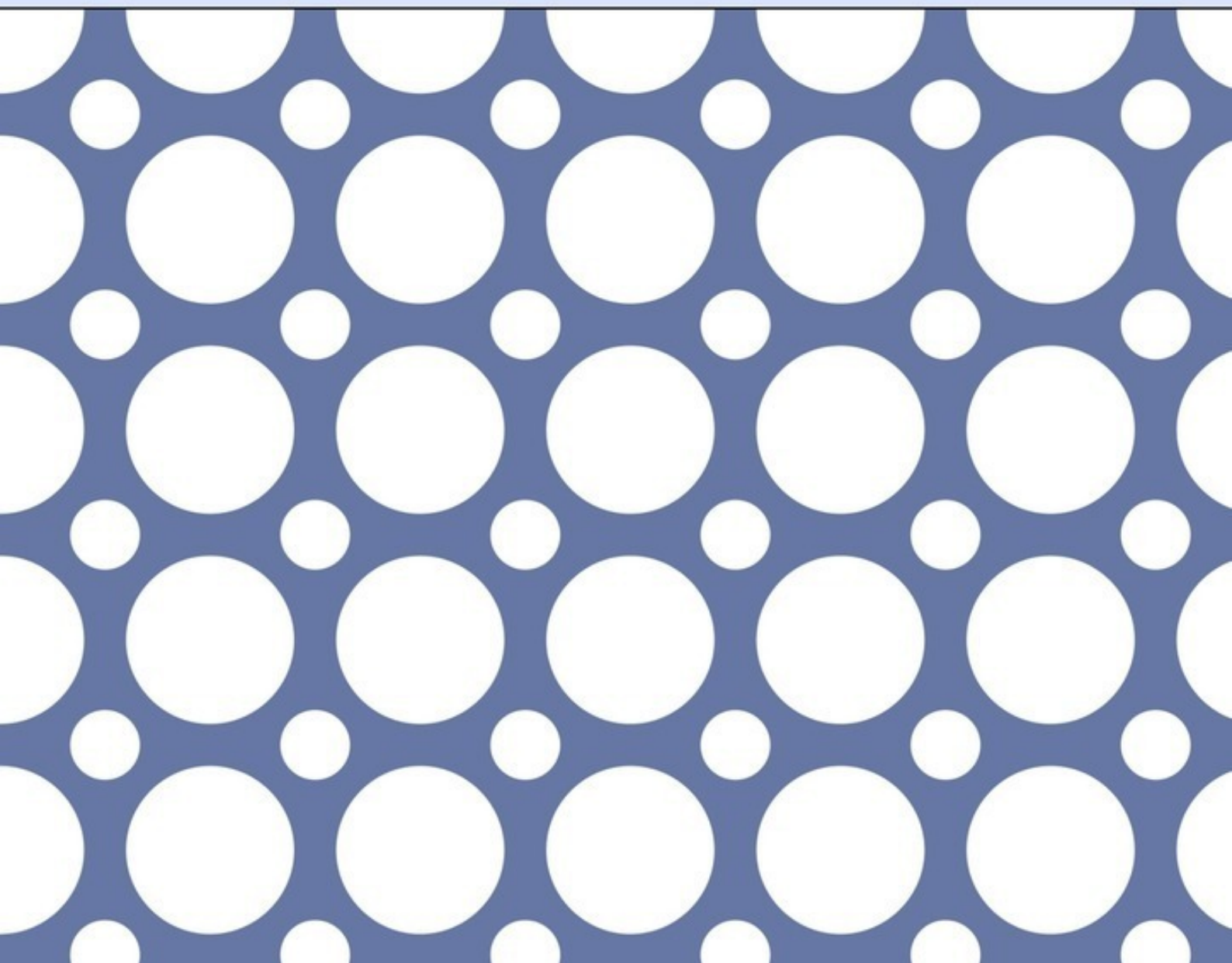

Екатерина Риз

Зефир в шоколаде

Екатерина Риз

Зефир в шоколаде

«Издательские решения»

Риз Е.

Зефир в шоколаде / Е. Риз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836979-7

В народе говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Лера никогда не задумывалась о смысле поговорки, пока это самое несчастье не свалилось на её голову. Ну как несчастье. Казус, как она это назвала, который изменил неторопливое течение её жизни. И уж совсем непонятно, как расценить появление на её пути мужчины, от взгляда на которого захватывает дух. Кто же он: спаситель или же дьявол-искуситель? Ей ещё предстоит узнать, что в городе его знают именно под вторым именем.

ISBN 978-5-44-836979-7

© Риз Е.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	22
4	35
5	47
6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Зефир в шоколаде

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4483-6979-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В этот день произошёл казус. Умер мой отец. И почему-то именно это слово пришло мне на ум, неуместное и какое-то глупое – казус. Но никак иначе я это событие для себя определить не могла. Наверное, потому, что в последний раз родителя видела лет двадцать назад. Он оставил нас с мамой, когда мне было пять, несколько лет ещё появлялся раз от разу реже, а потом и вовсе из нашей с мамой жизни исчез. Я ещё помню себя восьмилетней девочкой, которая ждала, что папа обязательно придёт к ней на день рождения. Он не приходил и не звонил с тех пор, как мне исполнилось семь. Со временем я перестала ждать, плакать и вообще расстраиваться по этому поводу. Думаю, я просто выросла с пониманием того, что папы у меня нет, думать и рассчитывать на него я не привыкла, и надо сказать, что жила себе вполне нормально, ничем не опечаленная.

А вот теперь он умер. И тот факт, что узнала я об этом из выпуска региональных новостей, от миловидной дикторши, которая невероятно скорбным тоном преподнесла это известие жителям всей области, тоже добавляло смятения в мою душу. А меж тем это утро начиналось как обычно, с чашки кофе, ленивого потягивания и зевоты. С обещания маме поторопиться со сборами на дачу. А потом я застыла перед телевизором, так и не донеся чашку кофе до рта, услышав знакомое имя.

– Борис Геннадьевич Давыдов был известной личностью в нашем городе. Меценат, от души помогающий нуждающимся и страждущим. К нему не раз обращались за помощью наши медицинские центры и благотворительные организации. Борис Геннадьевич был одним из спонсоров строительства базы отдыха для детей-сирот под Нестерово. Также он являлся владельцем нашего футбольного клуба и помогал детской футбольной секции, верил в успех наших ребят. Напомним, что Борис Геннадьевич скончался этой ночью в Городской Клинической больнице от сердечного приступа на шестьдесят первом году жизни. У него остались жена и дочь. Приносим им наши искренние соболезнования.

– Жена и дочь у него остались, – проговорила мама за моим плечом. И я, признаться, вздрогнула от неожиданности, даже не слышала, как она подошла. Кинула на неё осторожный взгляд, но мама не выглядела опечаленной неожиданной новостью, скорее уж возмущённой. А следом ещё и добавила: – Кобеляка.

Я вздохнула, и наконец отхлебнула остывший кофе, во рту появился противный привкус.

– Он же умер, мама.

– Странно, что только сейчас. Я была уверена, что и пяти лет после нашего развода не протянет, подхватит какую-нибудь заразу от своих проституток и помрёт. – Вот тут мама чуть зловеще улыбнулась. – А он не помер, он на заразе женился.

Я не удержалась и возвела глаза к потолку. Про заразу в тысячный раз слушать мне было не интересно. Не то чтобы моя мама до сих пор лелеяла обиду на бросившего нас отца и постоянно эту тему развивала, нет. Но всё равно это была семейная история, которую раз за разом обсуждали на кухне, за рюмочкой, за чашкой чая, да и просто ради «поговорить за жизнь» с подругами, сёстрами и всей многочисленной женской частью знакомых моей мамы. Как её бывший муж – долдон и бабник, бросил её когда-то с ребёнком, а сам живёт и не тужит, даже на дочку-красавицу желания взглянуть не имеет. То, что я тоже не имею особого желания встречаться с человеком, который лишь по факту приходится мне отцом, а по сути, чужой человек для меня, незнакомец, никем в расчёт не принималось. Мама злилась на бывшего, лишь заслышав его имя, тётки ей сокрушённо поддакивали, а вот бабушка печалилась больше всех. Вздыхала и по голове меня, сиротинушку, гладила. Когда мне исполнилось пятнадцать, я постаралась её от этой привычки отучить, если честно, раздражало. Я себя несчастной, обделённой сиротинушкой, не считала, у меня было абсолютно нормальное детство, и отсутствия

отцовской любви и заботы я не ощущала, спасибо маме. Знала, что отец живёт с нами в одном городе, что у него другая семья и даже дети, а с некоторых пор и имя его слышать стала из разных источников. В родном регионе папа не на шутку преуспел, но всё это было чужое и непонятное для меня, я просто не знала этого человека, почти не помнила, какие-то смутные воспоминания из раннего детства. А как можно страдать по тому, кого не помнишь? Его нежелание общаться со мной укладывалось в несколько слов – он меня не любил. Так я тоже его не любила, потому что не знала, и, по-моему, это уравнивало нашу ситуацию.

И всё-таки известие о его смерти поставило меня в тупик, я не знала, как реагировать. Я растерялась, даже печаль ощутила, всё-таки родитель, но на этом всё. И именно это беспокоило. Маловато как-то. Хотя мама вон снова принялась сумки паковать, она на всё лето переезжала к бабушке в деревню, помогать той с огородом, и это её, кажется, заботило куда больше, чем смерть бывшего мужа. Но я допускала, что мама лишь умело скрывала свои чувства. Наверняка уже в уме прикинула, с какой интонацией и с кем в первую очередь она эту новость обсудит. А вот мне, кроме тёток и бабушки, делиться этим не с кем, никто из моих знакомых не догадывался, что я дочь Бориса Давыдова. Так что, Валерия Борисовна, пакуйте молча рассаду болгарского перца в количестве тридцати шести штук, и везите маму в деревню.

Так я и поступила. Села за руль одолженной у двоюродного брата «десятки», разместив перед этим маму со всем её зелёным богатством на заднем сидении, и мы поехали. Про отца больше не говорили, даже когда о его смерти ещё раз упомянули в сводке новостей по радио. Я минуту ждала маминой реакции, она молчала, и тогда я переключила радио на другую волну. Про себя старалась что-то сформулировать, подумала о семье отца, как они справляются, точнее, мысленно пыталась представить себя на их месте – что бы я чувствовала. Не преуспела, и опять же мысленно рукой на всё махнула. Он мне не отец, а я ему не дочь. Он это за нас двоих когда-то решил.

Только спустя час, как мы оказались у бабушки, я услышала её поистине расстроенный вздох и печальный голос.

– Бедный ребёнок, – сказала бабушка, но тут же замолчала после выразительного шика-
нья моей мамы.

Бедный ребёнок, чтоб вы знали, это я. Мне всего двадцать семь. По меркам моей бабушки я почти младенец. И чтобы бедного ребёнка как-то поддержать, вход шли пирожки. С яблоками, повидлом и даже черникой, оставшейся и замороженной с прошлого лета моей предусмотрительной и запасливой бабушкой. Для свежих ягод был ещё не сезон, май месяц, и я уверена, что моя бабуля ждёт не дожждётся времени, чтобы отправиться в лес по ягоды. С детства помню её пальцы, фиолетовые от черники, которой она всегда набирает огромное количество, а потом варит варенье, закрывает компоты и печёт пироги. В общем, совершенно не заботится о фигурах своих внучек, которых у неё три, кстати. Но мои двоюродные сестры несколько лет назад перебрались в Москву, а я вот осталась. И теперь меня кормят за троих. И хотя бабушка порой сетует, мол, не в коня корм, но я-то знаю, каких усилий мне это стоит.

Май в этом году выдался тёплый, не то что в прошлом. Почти до июня в тёплых куртках ходили, всерьёз ожидая, что снова снег пойдёт. А в этом уже на майские праздники выбрались с друзьями на Волгу, жарили шашлыки, а я даже позагорать смогла. В воду, как некоторые смелые, не полезла, хотя день был по-летнему жаркий. Вот и сегодня солнышко хорошо пригревало, я бы даже сказала, что грело, и я устроилась на маленьком островке травки у дома, символизирующем на бабушкиной плантации газон. Три на три метра, ровно столько, чтобы расстелить одеяло, вытянуться в полный рост и при этом не упереться затылком в парник, а ногой не сбить огурец или перец. Подумав о рассаде, я приподнялась на локте, сняла тёмные очки и оглядела череду вскопанных и подготовленных к посадке грядок. Как хорошо, что помимо трёх внучек, у бабушки ещё два внука имеются, весьма дородных, скажу я вам, парня, которые при необходимости картофельное поле на пару перекопают, иначе сия участь ждала бы

меня. А я, надо сказать, из той породы людей, что предпочитают плоды пожинать, то есть, кушать, а не выращивать всё это добро. Я с чистой совестью снова улеглась и опустила на глаза тёмные очки. Вздохнула почему-то...

Почему-то! Повод у меня сегодня был.

– Не думай о нём, – скомандовала мама где-то совсем рядом.

– Не думаю, – буркнула я и зажмурилась. Стало понятно, что не я одна не могу отделаться от мыслей о том, что всё-таки не чужого нам человека через несколько дней хоронить будут.

С этими мыслями прошло воскресенье, вечером я вернулась в город, заехала к брату, чтобы вернуть ему машину, и смогла в очередной раз лицезреть чудную картину, как Сашка стоит перед своим гаражом и обеспокоенно вглядывается в дорогу, поджидая меня. Хотя нет, не меня. Машину свою. Он и в детстве-то жутким жадиной был, а уж когда вырос, а я на права сдала и пришла к выводу, что он просто обязан делиться со мной своим автомобилем, раз это ему пришла в голову светлая мысль отправить меня на курсы вождения, и вовсе перестал радоваться моим просьбам. Но денег на собственную машину у меня не было, а вот брат с машиной имелся, так что, как говорится, сам бог велел родственными чувствами воспользоваться. Но мне серьёзно казалось, что в те дни, когда я автомобиль у него забирала, Сашка становился старше и печальнее. Вот и сейчас навстречу кинулся, для начала ладонью по капоту машины провёл, наверное здороваясь, а затем уже и ко мне обратился.

– Как съездила?

– Нормально, – отозвалась я, не скрывая усталого вздоха. Усталость несколько переигрывала, но пусть Сашка думает, что я тоже пару грядок вскопала. Из машины вышла, позволила брату в салон заглянуть, и тогда попыталась оправдаться: – Мама своей рассадой немного намусорила, сам пропылесосишь?

Сашка, нахал, вздохнул.

– Когда ты уже свою машину купишь?

Я хмыкнула, глядя, как он коврики трясёт.

– Когда учителям в нашей стране раза в два зарплату добавят. Пока только обещают.

Брат усмехнулся, противно так, как в детстве.

– И что брат будешь?

Уверена, что в этот момент на моём лице появилось мечтательное выражение.

– «Жука», – сказала я, имея в виду милую модель из линейки «Ниссанов». – Вишнёвого.

– Губа у тебя, Лерка, не дура.

– Не дура, – согласилась я. – Во мне, вообще, ничего дурного нет, к твоему сведению.

– Ага, мне жена перед свадьбой тоже так говорила.

– Вот ты гад, – ахнула я. И пригрозила: – Я Оксанке всё расскажу.

Саня кивнул совершенно спокойно.

– Расскажи. И машину больше не получишь. А я за тебя её ещё и чищу. Чем, вообще, воняет? – Он принялся, снова сунув голову в салон автомобиля.

– Перцами, Саша.

Он голову высунул.

– А-а, перцами? Посадили? Хорошо, мать уж спрашивала сегодня.

Упоминание о перцах меня отчего-то разозлили. Коврики, перцы болгарские... А у меня отец умер. Но, по словам моей мамы, меня это волновать не должно. А меня волнует, я на себя злюсь, потому что сделать с этим ничего не могу. И от чувства полного бессилия даже брату ничего не сказала. Заподозрила даже, что он в курсе случившегося, не могла его мамочка, тётя Люба моя, пропустить такое событие, она наш семейный рупор гласности и справедливости. Но Сашка промолчал, ни о чём меня не спросил, и я быстренько клюнула его в щёку, ещё раз поблагодарила за одолженную машину, и поспешила на автобусную остановку неподалёку.

К вечеру похолодало, я запахнула плащ на груди, с облегчением запрыгнула в автобус, успела добежать, прежде чем он закрыл двери, плюхнулась на заднее сидение, подняла глаза к монитору, закрепленному у кабины водителя, и невольно сжала зубы до боли. Опять выпуск новостей, и опять фото отца в траурной чёрной рамке. Снимок хороший, Борис Геннадьевич на нём довольный и полный сил, наверное, после завершения очередной сделки. Или после хорошего загула. Ими он тоже славился, и полные шестьдесят лет ему в этом совсем не мешали. Погулять мой родитель любил, Бог свидетель. И моя мама тоже.

Дурацкий день. Плохо начался и по-дурацки заканчивается. Я была дома одна, мне было тоскливо и хотелось плакать. Но вместо этого я выдвинула гладильную доску, чтобы привести в должный вид костюм для завтрашнего рабочего дня. Надо сказать, что выбирая профессию, я пошла по стопам отца, между прочим, совершенно неосознанно. Я с детства тяготела к математическим наукам, на уроках и контрольных работах решала за отведённое время все варианты, «за себя и за своего товарища», и понятное дело, была в классе авторитетом, у меня все списывали. А после школы поступила в педагогический институт, и вот уже три года преподаю алгебру и геометрию в общеобразовательной школе, в классах с пятого по десятый. Работы много, работа сложная и разнообразная, я бы даже сказала, многоликая, но мысли оставить её, поменять, меня пока не посещали. Не смотря на маленькую зарплату и невозможность исполнить мечту каждой современной женщины – купить себе машину. Мысли об автомобиле меня и на следующее утро не оставляли. Ими я старательно забивала другие, которые не на шутку расстраивали.

– Подумываю кредит взять, – поделилась я с Леной Мамонтовой, которую считала подругой, по крайней мере, на работе. Лена была старше меня на пару лет и преподавала английский язык. И манера держаться у неё была под стать английской королеве, ну на крайний случай, какой-нибудь европейской принцессе. Лена любила брендовые вещи, очень следила за собой, и все мужчины у неё заводились подходящие – то бизнесмены, то адвокаты. И они именно заводились, Лена вроде бы и не утруждала себя тем, чтобы кого-то искать и влюбляться, мужчины рядом с ней переводиться не успевали, летели, как мухи на мёд. Она звонко рассмеётся, волосы шикарным жестом за спину откинет, каблуками цокнет – и готово дело, двое-трое точно обернутся, не удержатся. Я восхищалась этой её способностью и смеялась одновременно. Иногда тоже хотелось пальцами щёлкнуть, и чтобы кто-нибудь сразу влюбился. Хотя, иногда от этого столько проблем!..

Вспомним о кредите.

– На машину? – догадалась Лена.

Я кивнула.

– «Жука» хочу, вишнёвого.

– Вот дался он тебе. А отдавать чем будешь?

– Вот об этом я и думаю, – призналась я в полном расстройстве.

– Бесполезны твои думы, – безапелляционно и оттого так жестоко ответила Лена, и кинула взгляд на золотые часики на запястье, подарок последнего ухажёра на Восьмое марта. – Если так хочется, надо пойти и купить, а думать потом.

– Я так не умею.

– Ты просто не пробовала. Знаешь, это избавляет от многих сомнений, называется – действие. Спроси у Николая Эдуардовича, он тебе какую-нибудь формулу под это подберёт. Всё в нашем мире поддаётся физическим законам, ты в курсе?

– В курсе.

Лена окинула взглядом учительскую, в комнате кроме нас было ещё два преподавателя. И поэтому Лена ко мне придвинулась и негромко проговорила:

– А наш многоуважаемый господин директор, Станислав Витальевич, не желает проявить щедрость по отношению к любимому сотруднику?

Я фыркнула. И от нелепости предположения, и от возмущения одновременно.

– Я бы не согласилась!

Лена снова отодвинулась и негромко проговорила:

– Что не соглашаться, когда не предлагают. А вот я жмотов не люблю. И заметь, они меня тоже стороной обходят. – Она потрясла перед моим лицом рукой с золотыми часиками.

Я её руку оттолкнула. Нечего душу мне травить.

И про Станислава Витальевича Ленка зря заговорила. Не те у нас со Стасом отношения, к моему глубочайшему сожалению, чтобы он мне машины дарил или хотя бы задумывался об этом. Я, конечно, не против сделать следующий шаг, к стабильности и ясности, так сказать, а вот Стас не торопится. Нет, я его понимаю, он развёлся год назад, и связывать себя снова не спешит, возможно, боится снова ошибиться. А я... я жду. Наверное, люблю, почти уверена в этом, иначе, зачем мне проявлять столько терпения? И проявлять его не просто так, а хотеть, желать, мечтать чего-то дожидаться. Не знаю, так ли уж я хочу замуж, вот прямо сейчас, но когда-нибудь ведь захочу? Семью, детей, мужа хорошего. А Стас был весьма перспективен в этом плане. Про таких, как он, говорят: молодой да ранний. Ему всего тридцать три, а он уже директор школы, показал себя отличным управленцем, награды имеет, и явно на достигнутом не остановится. И человек неплохой, во многих вопросах у нас с ним схожие точки зрения, мне импонирует его целеустремлённость, лишь неопределенность в наших с ним взаимоотношениях, которую он допускает, несколько выводит меня из себя. А Стас делает вид, что ничего особенного не происходит. И то, что мы скрываемся от коллег, и даже с работы он забирает меня на машине не от крыльца школы, а от соседнего дома, по его словам и разумению, совершенно нормально. Просто люди ещё не готовы к такой новости, он не отошёл от развода, да и вообще скоро серьёзная проверка, не время служебные романы в открытую заводить. Где в этой цепочке я и мои интересы, было не совсем понятно, и когда я спросила его об этом при нашей последней встрече, мы поссорились. Я бы могла сказать, что немного, но на самом деле серьёзно поссорились, и с тех пор не разговаривали. Стас, поостыв, пытался мне дозвониться, но я неожиданно заупрямилась, и выяснять что-то отказать. И на данный момент мы находились в ссоре. Утром в школьном коридоре столкнулись, он меня пытливым взглядом посверлил, но я лишь коротко поздоровалась и поспешила пройти мимо. Правда, теперь я с нетерпением жду от него ответного действия. Четвёртый урок к концу подошёл, но ничего не происходит. А я, меж тем, не отказалась бы от букета цветов в качестве извинений. И чтоб с шиком так. Дверь учительской открывается, входит курьер с огромным букетом нежно-розовых роз, объявляет во всеуслышание, что этот великолепный подарок для меня от тайного поклонника. Или не надо от тайного? Пусть все знают, чтобы кое-кто прекратил распускать бессмысленные слухи. Всё равно ведь люди догадываются, сплетничают, коллектив-то в основном женский, а Стас не понимает...

Когда дверь учительской открылась, я даже вздрогнула от неожиданности, на секунду поверив, что мне лучший подарок в моей жизни принесли. Уставилась на вошедшего, точнее, остановившегося в дверях мужчину, и если честно, в тот же момент забыла о цветах и своих беззаветных мечтах. Уверена, что не у меня одной из головы все мысли вынесло, и важные, и не важные, при виде посетителя. И не сказать, что его внешность чем-то шокировала, нет, в конце концов, мы уже давно живём стране с открытыми границами, какой цивилизованный человек беззастенчиво уставится на темнокожего человека? А мы все уставились, женщины с высшим образованием, педагоги, а посмотрели на него и все замолкли на полуслове. Но здесь, наверное, стоит признаться в том, что в немоту нас поверг не цвет его кожи, кстати, не такой уж и тёмный, красивого бронзового оттенка, а весь его вид, его облик в целом. Очень высокий, своей фактурой занявший весь дверной проём, с могучими руками и сильной шеей молодой мужчина. Весь бронзовый, оттого казавшийся таинственным и притягательным. Коротко стриженный, но было видно, что чёрные волосы мелко вьются, и наощупь наверняка жестковаты.

Губы полные, взгляд цепкий, но от темноты казавшийся обманчиво тёплым, а потом незнакомец улыбнулся, и мы все враз ослепли от белизны его зубов. Улыбка, как заря, осветила его тёмное лицо. Я быстро огляделась и поняла, что женщины вокруг как по заказу ему заулыбались в ответ, даже наша всегда унылая Мария Сергеевна, преподаватель химии. Я за три года работы в этом коллективе никогда ничего подобного не видела, была уверена, что она вообще улыбаться не умеет. Ошиблась.

А гость ещё и заговорил на чистейшем русском, без всякого намёка на акцент.

– Добрый день, дамы. Я могу увидеть Валерию Борисовну Давыдову?

Признаться, я всё ещё пребывала в культурном шоке и отреагировала на своё имя только когда поняла, что на меня все смотрят. Моргнула, неловко кашлянула и совершенно глупо, как ученица, подняла руку.

– Это я. – Разозлилась на себя, руку опустила и официальным тоном проговорила: – Валерия Борисовна – это я. Вы по какому вопросу? Вы... родитель?

Он молчал. Молчал и разглядывал меня. Потом сделал шаг, и на миг мне показалось, что он не знает, что мне сказать.

– Я бы хотел с вами поговорить. У меня личное дело к вам.

– Личное? – Краем глаза я заметила выразительный взгляд, что кинула на меня Лена, но я никак не отреагировала. Вдруг ощутила нешуточное беспокойство. Этот странный мужчина смотрел на меня чересчур серьёзно. А затем ещё и предложил:

– Давайте выйдем?

Я медленно поднялась из-за стола, меня провожали взглядами. А я только на него смотрела, и когда он распахнул передо мной дверь в коридор, проскользнула мимо бочком.

Шёл урок, в коридоре было тихо и безлюдно. Я отошла от двери учительской подальше, снова нервно кашлянула и тогда уже повернулась. Краем сознания снова отметила его невообразимую внешность, после чего поинтересовалась:

– Так по какому вы вопросу?

А он вместо ответа руку мне протянул. Я посомневалась, прежде чем подать ему свою, но всё же сделала это.

– Меня зовут Антон Бароев. Я работал с вашим отцом, Валерия. Я приехал, чтобы выразить соболезнования. Мне очень жаль...

Только в этот момент я поняла, что на нём чёрный траурный костюм, и руку свою отдернула, чем, кажется, его удивила. А я ещё и отступила на шаг, продолжая его ощупывать взглядом. Но теперь дело было не в его цвете кожи и непривычной для славянского человека внешности, он вдруг превратился для меня в выходца из другого мира, мира моего отца.

– Что вам нужно?

Этому вопросу и моему тону он уже не удивился, правда, паузу сделал, видимо для того, чтобы половчее лапши мне на уши навешать. Слова подбирал.

– Я просто хотел с вами встретиться. Не думаю, что супруга Бориса хоть как-то задумалась о том, чтобы связаться с вами. А он ведь ваш отец.

– Нет. Я его не знаю.

Мой безапелляционный тон его, кажется, расстроил. Антон даже поморщился едва заметно. Сунул одну руку в карман брюк и от меня отвернулся, принялся оглядывать школьный коридор, правда, без особого интереса, скорее уж раздумывал в эту минуту.

А я спросила:

– Как вы меня нашли?

По его губам скользнула улыбка.

– А вы прятались? – И тут же сделал жест рукой, как бы извиняясь. – Я не мог застать вас дома, ни вчера, ни сегодня. Пришлось искать другие пути.

– Зачем? Сообщить мне о его смерти? Я узнала об этом из новостей, ещё вчера.

– Лера...

– Меня зовут Валерия, – нетерпеливо перебила я его.

Ему пришлось кивнуть.

– Хорошо, Валерия. Завтра похороны. Ты уверена, что не хочешь проститься с отцом?

Внутри у меня что-то дрогнуло, весьма ощутимо. Я занервничала, сглотнула и отвернулась от него.

– Меня не приглашали.

– А тебе нужно приглашение? Ты его дочь.

– Об этом не помнили ни он, ни я.

– Это неправда, Лера. – Он вновь сбился на свойскую манеру общения, но даже не заметил этого. – Я работал с Борисом не один год. Как думаешь, от кого я узнал про тебя?

Я прищурилась, глядя на него, отчего-то не спеша верить его вкрадчивому тону.

– И что же он про меня рассказывал?

Антон молчал на секунду дольше, чем было необходимо, затем отступил и выдохнул, признавая поражение.

– Что ж, ты права. Чем Боря не славился, так это своими отцовскими качествами. Но он твой отец, и его завтра хоронят. Ты же сама пожалеешь, если не пойдёшь.

Знаю, что пожалею, но всё это казалось до невозможности странным и требовало обдумывания. Серьёзного и неспешного.

– Я подумаю, – сказала я наконец.

– Подумай, – согласился он, но ничего другого ему и не оставалось. Полез во внутренний карман пиджака, достал визитку и протянул её мне. – Позвони, когда решишь.

Я не ответила, покрутила в руках кусочек картона, на котором скромным чёрным шрифтом значилось: «Антон Александрович Бароев, генеральный директор». Генеральный директор чего – оставалось для меня загадкой, да и не слишком любопытно было, если честно.

Прозвучал звонок, резко и громко, и я заметила, как Антон дёрнулся, то ли от ужаса, то ли от неожиданности. А я лишь отступила ближе к стене, зная, что через считанные секунды коридор наполнится шумными и резвыми детьми, засидевшимися за партами. Так и случилось, гам и суeta возникли мгновенно, можно было оглохнуть от выкриков и топота. Антон Бароев с подозрением огляделся по сторонам, тоже отошёл к стене и видимо затосковал в этой атмосфере. На него смотрели, можно сказать, что беспардонно тарасились – что взять с детей? – но он этого, кажется, не замечал. Мне пришло в голову, что он с детства привык к чужим взглядам и любопытству.

– Хорошо, Антон... – Я посмотрела на визитку и прочитала: – Александрович. Я позвоню, если... надумаю. А сейчас, извините, у меня урок.

Он с пониманием кивнул, а напоследок сказал:

– Позвони мне. Даже если решишь не идти.

– Зачем?

Он вдруг улыбнулся.

– Хорошо, я позвоню сам.

И после этих слов покой из моей жизни ушёл.

2

Работать в этот день было трудно, никак не получалось сосредоточиться. Окончания последнего урока я ждала, как избавления. Хотя, отчего он мог меня избавить? Звонок прозвенел, дети разошлись, а я осталась в опустевшем классе одна. Единственная радость, что в тишине. Думала о недавнем знакомом, о том, что он говорил, и переживала по этому поводу куда больше, чем, по собственному разумению, должна была. Мама бы тоже меня за такие мысли отругала, но что я должна сделать, просто выбросить из головы мысли о том, что мой отец умер, а я даже толком его и не помню? Он появлялся у нас в последний раз, когда мне было лет семь. Принёс в подарок плюшевого котёнка, который двадцатилетнюю разлуку с родителем, конечно же, не пережил и потерялся, когда – я и не припомню. Ещё мы с папой, кажется, ходили гулять в парк и ели мороженое, после чего у меня заболело горло. Это уже со слов моей мамы. Не удивлюсь, если она после устроила отцу разнос за загубленное здоровье ребёнка, и тот решил сделать паузу в проявлении отцовской привязанности, а потом, скорее всего, про привязанность забыл, так как всегда был человеком весьма занятым. Вот и получается, что никаких чётких воспоминаний из детства у меня об отце нет. А то, что знаю его в лицо, так это спасибо местному телевидению, не дали прожить жизнь в неизвестности. А вот теперь его не стало, как-то совершенно неожиданно, даже для меня. Мне куда спокойнее жилось с пониманием того, что он где-то в этом городе существует. Вряд ли вспоминает обо мне, по крайней мере, часто, да и я, признаться, об отце не часто думала, но он был, жил, что-то постоянно созидал и строил, если верить выпускам новостей. А теперь его нет. И это печально и непонятно.

В школе я задержалась ещё на пару часов. Тетради проверяла, план на следующую неделю писала, а время от времени просто замирала и задумывалась. Как время прошло и не заметила. Подогнала меня учительница биологии, милая наша Галя, у которой была совсем не милая привычка неслышно подходить к тебе со спины и громовым голосом оповещать о своём присутствии. Вот и в этот раз я вздрогнула от её выработанного учительского голоса, от мыслей своих отвлеклась и поняла, что на самом деле пора собираться домой.

На крыльце я помедлила. Увидела Станислава Витальевича разговаривающего с охранником, и на секунду задумалась, как поступить – мимо пройти, попрощавшись, или дать Стасу шанс на оправдание. Он как раз обернулся, меня увидел и после секундного замешательства, сделал попытку улыбнуться, по крайней мере, это было похоже на улыбку, из фильмов про шпионов. Мужчина-загадка, да и только. Но шаг я замедлила, поджидая его и медленно спускаясь по ступенькам. Ещё слышала голос Стаса, он что-то продолжал говорить охраннику, потом легко догнал меня. Что мне всегда в Стасе нравилось, так это врождённая лёгкость и чувство стиля. Стас умел одеваться, следил за собой, а жест, которым он поправлял очки – небрежно и в то же время многозначительно, я просто обожала. Он и сейчас очки поправил, поравнялся со мной, но я смотрела не ему в лицо, а на портфель в его руке. Солидная вещь из натуральной кожи, новенький и блестящий. Портфель очень подходил к его облику современного педагога. А Станислав Витальевич не просто педагог, он директор школы, и ощущал он себя именно директором.

– Уходишь? – спросил он.

Может он и директор, но вопросы задаёт по-мужски глупые.

– Ухожу.

– Тебя подвезти?

– Пройдусь.

Мы спустились, и я почувствовала, что Стас удерживает меня за руку, пришлось остановиться и посмотреть на него.

- Лера, ты не можешь на меня обижаться вечно.
- И я не обижаюсь. Ты сказал, что думал.
- Вот именно. Очень хорошо, что ты это понимаешь.

Руку я осторожно освободила, и надеялась, что со стороны наша беседа кажется официальной. Я даже старалась удерживать на губах вежливую улыбку.

– Я понимаю, Стас, но что делать, если у меня тоже есть чувства и мысли в голове? Я не могу всегда подстраиваться под тебя.

Это ему не понравилось, он даже губы чопорно поджал. Кстати, вот это я не любила, с поджатыми губами Стас сразу становился похож на зануду, каким он не был. Или, по крайней мере, не настолько.

- Хорошо, я понял тебя. И, наверное, ты права.

Какое счастье!.. Я едва сдержалась, чтобы глаза не закатить. Но сдержалась, а Стас снова предложил:

- Давай я отвезу тебя домой.
- Я же сказала, что пройдуся. Мне нужно побыть одной и подумать.
- О чём?

И тон его был настолько снисходительным, что я разозлилась. Взглянула на него в упор и сказала:

– Я не всегда думаю о тебе, Стас. Вчера у меня умер отец, я думаю о нём. И... я, правда, сейчас не могу и не хочу что-либо обсуждать.

– Отец умер? – повторил он за мной. Призадумался ненадолго, видимо, пытаюсь припомнить, что-то о моей семье, уверена, что не вспомнил, но должное внимание проявить решил. – Почему ты мне утром не сказала? Тебе положено три дня...

- Это ни к чему, Стас.
- Ты уверена?
- Да.

– А как ты сама? Как справляешься? – Его рука легла на моё плечо и чуть сжала. И в этом жесте никто бы при всём старании не заподозрил чего-то неподобающего. Лишь сочувствие в рамках занимаемой должности.

Я в ответ на это мрачно улыбнулась.

- Я почти справилась.

На стоянку перед школой въехала спортивная машина, можно даже сказать, что она скользила над асфальтом, а не ехала по нему. Низкая, тёмно-синяя, похожая на огромную дождевую каплю, она остановилась прямо перед нами, и по её полированному боку пробежал луч солнца. Выглядело это весьма эффектно. А ещё более эффектным, по крайней мере для меня, стало появление водителя. Дверь открылась, и из автомобиля вышел мой сегодняшний знакомец, Антон Бароев. Уже без чёрного пиджака, зато в белоснежной рубашке, которая резко констатировала с цветом его кожи, просто глаз не оторвать. Я и не отрывала. Смотрела на него, одной частью сознания, полагаю, чисто женской, любуясь и не уставая удивляться, а другой недоумевая, для чего он вернулся. Я не звонила, и не собиралась ему звонить. А он ещё так небрежно окинул взглядом мужчину рядом со мной, затем вернул свой интерес ко мне и спросил:

- Домой собралась? Поехали, отвезу.

И в его голосе предложения или вопроса не прозвучало, он ждал, что я незамедлительно в его машину сяду.

Стас непонимающе глянул на меня, а я вдруг – назло ему, не иначе, – взяла да и шагнула к этой навороченной тачке. Антон обратно в салон нырнул, дверь мне открыл и продолжал за мной наблюдать. Я же на Стаса обернулась и очень вежливо с ним попрощалась.

- До свидания, Станислав Витальевич.

– Лера, – начал он предостерегающим тоном с явным намёком на недовольство, но я слушать не стала и в машину села. Или забралась, прозвучит уместнее? Автомобиль оказался настолько низким, что я невольно задумалась о том, что выпендрёж и удобство – вещи несовместимые. Дверь захлопнула, окинула быстрым изучающим взглядом кожаный салон, неожиданно очень остро ощутила резковатый цитрусовый аромат одеколona хозяина автомобиля и его близкое присутствие, и решила, что зря в машину его села. Мало мне со вчерашнего дня неприятностей.

С места мы тронулись так резко и на такой скорости, что я решила – точно взлетим, и невольно потянулась за ремнём безопасности. Антон это заметил и усмехнулся, и на газ ещё нажал.

– Хорошая машина, – заметил он с удовольствием.

– Да уж, – пробормотала я, оглядывая покатую приборную доску. Даже вцепиться не во что!

Антон кинул на меня ещё один взгляд.

– Не нравится? А папа твой уважал такие игрушки.

Я помедлила, после чего спросила:

– Это его?

– Ты что? Я ещё в состоянии сам на тачку заработать. А это так, опытный экземпляр, обкатываю.

Я не очень поняла, что он в виду имеет, но уточнять не стала.

Антон всё косился на меня и косился, я это замечала, а краем глаза и сама за ним наблюдала, всё никак не могла привыкнуть к его впечатляющей внешности. Тёмный, большой и в то же время задорный и, точно, хитрый, как лис. Вроде бы горе, поддержать приехал, а сам глазами на меня стреляет и посмеивается в сторону. А затем ещё и спросил:

– Это кто был?

– Кто?

– Ну, с тобой.

– А-а. – Я слегка потянула за ремень безопасности, стараясь его ослабить. – Это директор нашей школы.

– Серьёзно?

– А что?

– Молодой.

– Талантливый, – поправила я.

– В смысле, настоящий Макаренко?

– Какие-то у вас устарелые взгляды, Антон Александрович.

Он вздохнул напоказ.

– Ну да, я в школе лет пятнадцать не был. А то и больше. Помню, свою директрису, вот где был ужас. А твой ничего так, кажется вменяемым.

На это «твой» я намеренно никак не отреагировала, отвернулась к окну.

Машина свернула на перекрёстке, но совсем не в ту сторону, в которую я ожидала, в противоположную от моего дома. Я нахмурилась, но прежде чем сумела сформулировать свой вопрос, замешанный на протесте, или попросту проявить обеспокоенность, автомобиль свернул на стоянку перед огромным развлекательным комплексом, Антон заглушил мотор и повернулся ко мне. Мы замерли в тишине, глядя друг другу в глаза, и так неловко вдруг стало, по крайней мере, мне. Я не знала, в какую сторону смотреть, честное слово. Ведь если я продолжу смотреть ему в лицо, он решит, что я его разглядываю, проявляя неуместное любопытство. Правда, я уже успела заметить, что Антон на чужие взгляды и любопытство, особого внимания не обращает, привык наверное.

От неловкости я кашлянула.

– Где мы?

– Пообедаем, – коротко оповестил он.

– Я не хочу.

– А я хочу. Поговорим заодно. – И всё с той же панибратской интонацией меня поторопил: – Пойдём, Лера, пойдём.

Из машины он вышел, и мне ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Кстати, вылезать из этого автомобиля оказалось ещё более неудобно, чем садиться в него. Я выпрямилась, держась за дверь, и поспешила одёрнуть юбку костюма. А посмотришь фильмы или клипы, так длинноногие красавицы с такой лёгкостью и грацией выходят из спорткаров, а как самой возможность представилась, так и поняла, что хоть и длинноногая, но изяществом в полном объёме явно обделена. Нет, такую машину я не хочу.

Ресторан, в который меня Антон привёл (потому что не пригласил, а именно привёл, за руку), носил гордое название «Золотой идол». Внутри на самом деле было много позолоты, хотя сам интерьер был выполнен в непонятном стиле. С историческим уклоном, так сказать, но с этим уклоном был явный перебор. Всё собрали воедино: и греков, и римлян, и скифов, не хватало только масок индейцев майя. Хотя, что это я, вот и маски, в углу. Но, по всей видимости, замысел дизайнера заинтересовал только меня, потому что другие посетители спокойно обедали и головой, как я, не крутили, осматриваясь. Но, наверняка, они чаще меня в ресторанах бывали. На Антона вот поглядывали, но без любопытства, чаще кивали в знак приветствия, потом один мужчина даже из-за стола навстречу Антону поднялся, подошёл и руку для рукопожатия протянул.

– Ну что скажешь, – сказал он вместо приветствия, а на лице лёгкая обеспокоенность и тень сожаления. – Как дела?

– Да потихоньку. – Антон, кажется, сделал попытку вздохнуть. – Обмозговываю.

– Марина как? Нервы трепит тебе?

Антон неприятно усмехнулся.

– Она теперь жизнь положит на то, чтобы мне жить расхотелось.

– Похороны в двенадцать? Я буду, обязательно.

– Спасибо, Пал Палыч. Очень ждём.

Этот самый Пал Палыч на мгновение задержал взгляд на моём лице, но не улыбнулся и, вообще, никак не отреагировал, ещё раз Антону кивнул и вернулся за свой стол. А я выдохнуть смогла. Они говорили про похороны моего отца, а я стояла дура душой. Точнее, чужая чужой, и сказать мне было нечего.

– Пойдём туда, там потише.

Я почувствовала прикосновение мужской руки к своей спине и дёрнулась в первый момент, но Антон этого, кажется, не заметил. Провёл меня к свободному столику за ширмой, я присела, а к нам тут же подоспел официант.

– Антон Александрович, добрый день. Рады Вас видеть. Меню, пожалуйста.

Мне тоже протянули тяжёлую кожаную папку, я её открыла и уткнулась в меню пустым взглядом. Антон внимательно посмотрел на меня поверх своей папки.

– Сама закажешь или мне? – Я лишь плечами пожала, и тогда он уточнил: – Мясо или рыба?

– Мясо, – сказала я, и с облегчением вернула папку с меню официанту.

Антон, быстро и не сомневаясь, сделал заказ, а когда мы остались одни, некоторое время молчали. Он снова меня разглядывал, а я ресторанный зал.

– Если бы Боря знал, что я с тобой обедаю, вот именно в этот момент он бы и умер.

Мой взгляд метнулся к его лицу.

– Почему?

– Он не любил про тебя говорить. – Я понимающе усмехнулась, и Антон поспешил исправить впечатление от своих слов. – Думаю, он считал себя виноватым, что не общался с тобой, поэтому и говорить не любил. Боря не признавал своих ошибок.

– Я его не помню, – сказала я очень выразительным тоном.

– Это не меняет того факта, что он твой отец.

– Не меняет, – согласилась я.

– Что ты решила с похоронами?

Я взяла вилку и принялась крутить её в руках.

– Я ещё не решила.

– Лера, ты должна быть там.

– Наверное.

– Не говори «наверное», – вдруг одёрнул он меня. – Не бывает никаких «наверное». Либо «да», либо «нет».

Я удивлённо посмотрела на него, и, в конце концов, решила возмутиться.

– Почему вы так разговариваете со мной? Мы с вами даже незнакомы толком.

Если моя отповедь его и сбила с толка, то всего на секунду-другую. Антон откинулся на спинку стула и на меня взглянул снисходительно.

– Так давай познакомимся. Поверь, тебе надо со мной дружить.

Я нашла в себе силы фыркнуть.

– Не вижу причины для этого.

– Они появятся, поверь. Сразу, как только ты прекратишь упрямиться.

– Я не упрямлюсь!

– Упрямись. И это упрямство мне очень хорошо знакомо. Чисто отцовская черта. Кстати, именно она помогла ему добиться в этой жизни многого. Так что, гордись, нужную вещь от родителя получила, только нужно научиться ею пользоваться.

Я прищурилась. Антон этого не знал, но это было дурное предзнаменование: он начал меня злить своими нравоучительными речами.

– Не надо разговаривать со мной, как с ребёнком. Я учителем работаю, если вы не забыли, и в чужих уроках не нуждаюсь. Вы сами-то...

– Что? – быстро переспросил он.

– Не слишком жизненным опытом умудрены... в силу возраста, а считаете, что можете меня наставлять.

Антон улыбнулся, и меня снова на секунду ослепила белизна его зубов. А он проговорил успокаивающе:

– Я не наставляю, просто говорю, что вижу. И можно ещё одно скажу? Очень уж хочется.

Я кивнула, соглашаясь, но оставалась настороже.

– Как тебя с твоей внешностью в учителя занесло? – Я настолько растерялась, что не нашла, что ответить, а Антон тем временем продолжил: – Мы года два назад искали лицо новой торговой компании. Мне никто не нравился, но если бы я тогда тебя увидел...

Кажется, это был самый ошеломительный комплимент в моей жизни. Правда. И я растерялась, не знала, как реагировать, взгляд снова забегал по залу, что совсем не мешало мне припомнить ту самую громкую рекламную компанию, прогремевшую на всю нашу немаленькую область. Где девушка-модель, кстати, блондинка, как и я, лежала голой грудью на крыше навороченного внедорожника, ветер трепал ей волосы, а дикий взгляд вынимал душу из каждого мужчины, что видел этот плакат. И большой вопрос, кого хотели больше – машину или девушку.

– Я бы туда не полезла, – проговорила я негромко, а Антон рассмеялся.

– Полезла бы. Я умею уговаривать.

Вот в этом я не сомневалась, иначе, что я делаю в этом ресторане?

Принесли салат и водку. Я непонимающе воззрилась на небольшой графинчик, даже не помню, как Антон его заказал. А вот тот наличие водки не удивился, а для меня коротко пояснил:

– Помянем Борю.

Спорить я не стала, подняла свою рюмку, правда, не удержалась и заметила:

– Особо расстроенным его смертью вы не выглядите.

– Я расстроен, – ответил он совершенно спокойно, нисколько не оскорбившись из-за моего намёка. – По многим причинам расстроен. Но Боря был таким человеком... переполненным жизнью, что так запросто в его смерть не поверишь.

– Что вы имеете в виду, говоря – переполненный жизнью?

Антон остановил на мне взгляд, задумался о чём-то, после чего негромко сказал:

– Не чокаясь, – и выпил. А я ждала ответа, держа свою рюмку на весу. Антон наблюдал за мной, забыв закусить. Напомнил: – Выпей.

Пришлось пить. Выдохнула, зажмурилась и выпила. Странные поминки, через силу.

– А что ты имела в виду, когда спросила меня об этом?

Теннис. Моя подача, а он ловко отбил.

– Я знаю, что у него были... своеобразные привычки, – сказала я, в конце концов.

– Ты имеешь в виду, что он гульнуть любил? – Я промолчала, а Антон понимающе усмехнулся. – Ещё как любил, проблема всей Бориной жизни. – Секундная пауза, и он спросил: – Лера, ты знаешь, как он умер?

– От сердечного приступа. Так сказали в новостях.

– Сказали, потому что я сказал им так сказать.

Я поневоле насторожилась.

– А на самом деле?

Он смешно поджал губы, даже причмокнул чуть слышно.

– От сердечного приступа. Который ему Янка обеспечила, его любовница двадцатилетняя. Вот на ней и умер. А ведь я его предупреждал.

Кажется, именно в этот момент мне водка в голову и ударила. Стало жарко и душно, я даже зажмурилась, а потом и вовсе лицо рукой прикрыла.

– Боже мой.

– Это знают только свои, Лера. Но что поделать, твой папа был любвеобильным человеком.

– Моя мама его любвеобильность называет по-другому.

– Что ж, у неё есть на это право.

– А его жена?

– Что жена?

– Как она переживает?

– Ну, Марина Леонидовна – железный человек. Думаю, она найдёт в себе силы всё это пережить.

Его голос был пронизан насмешкой, Антон смотрел на меня и посмеивался, а затем спросил невпопад:

– Так что тебя привело обратно в школу?

Я плечи расправила, смотрела в свою тарелку с салатом.

– Ты же сам сказал, что я похожа на отца, наверное, это гены, пошла по его стопам. У него тоже математическое образование.

– Точно, точно. – Он снова потянулся за графинчиком. – Давай ещё выпьем. На этот раз за тебя. За то, что после первой же рюмки водки, ты перешла со мной на «ты». Значит, не всё потеряно.

Я смутилась от его тоста, но всё же спросила:

– А что потеряно?

– Я всё ещё надеюсь до тебя достучаться, и убедить прийти на похороны. Тебе нужно там быть, Лера.

– Зачем? Смутить его жену и дочь? Я не уверена, что они вообще про меня знают.

– Вот пусть узнают.

– Не вижу необходимости.

Договорить я не успела, Антон перебил, наклонился ко мне через стол, незнакомо прищурился и сказал:

– Лера, а тебе не приходило в голову, что ты такая же наследница, как и они?

Я замерла, и далеко не сразу сумела справиться с потрясением. Смотрела на смуглое лицо, в серьёзные глаза, и отчего-то холодела в душе. Стремительно и неотвратно.

– Я не наследница...

– Почему? Ты его законная дочь, он был женат на твоей матери, а завещания на его нынешнюю супругу и дочь, нет. Значит, ты полноправная наследница.

Я от стола отодвинулась, вместе со стулом. А на Антона взглянула совсем другими глазами.

– Зачем вы мне всё это говорите?

Я снова перешла с ним на «вы», по моему мнению, это было вполне оправдано.

Антон эту перемену заметил, оценил и со вздохом подался назад, снова на стуле откинулся.

– Потому что я единственный, кто хочет справедливости.

– Для меня справедливости?

Он заметно призадумался.

– Не только. Видишь ли, Лера, не все женщины, как твоя мама, ставят супружескую верность во главу угла, у некоторых совсем другие приоритеты. Вот взять хотя бы Марину Леонидовну, она та ещё... – он даже кашлянул, тщательно подбирая нужное слово и, видимо, отсеивая ненормативную лексику, – меркантильная особа. Не думаю, что её сильно удивили обстоятельства, при которых скончался твой отец. Я уже говорил тебе, что Боря любил погулять, во всех смыслах этого слова, и в своём последнем браке, он этого не скрывал. Они жили так много лет, поэтому ожидать от Марины искреннего горя и заламывания рук, думаю, не стоит. Голову дам на отсечение, что она уже всё просчитала и распланировала.

– Как я понимаю, не она одна.

Он не пропустил мой укол мимо ушей и усмехнулся, затем покаянно опустил голову.

– Что ж, мне положено, я мужчина.

– Вы сказали, что были партнёром по бизнесу...

– Да, мы начали работать вместе лет пять назад. Боре надо было двигаться дальше, развивать бизнес, а мне постараться удержаться на плаву. Познакомились, поняли друг друга, нашли общий язык и, в итоге, решили объединить усилия. Получилось, что скрывать.

Что скрывать... И улыбка ослепительная. Сам себя не похвалишь, ходишь как оплётанный. Так, кажется, бабушка говорит.

– У вас сеть автомобильных салонов, я права?

– Не только. Салоны, автосервисы, торговые площади... развлекательная сфера. – Антон наблюдал за мной с хитринкой во взгляде. – «Чёртово колесо», – сказал он наконец, и я, конечно же, среагировала. А кто бы в нашем городе не среагировал? «Чёртово колесо» был известным развлекательным комплексом, гремевшим на всю область своими вечеринками. Какие они там бывают? Мыльные, пенные, пивные... Я никогда на подобных не присутствовала. Знала только, что «Колесо» нельзя было назвать ночным клубом, комплекс занимал территорию бывшего гостиного двора на окраине города. Восьмизэтажное здание с номерами для проживания, с ресторанами и барами, огромной танцплощадкой, а вокруг отеля бассейны, вся-

ческие увеселения и самый крупный картинг в области, об этом все мальчишки в городе знают и мечтают туда попасть. Про сами вечеринки чего только не говорят, и какие только слухи не распускают. И про царивший там разврат, и про скопище доступных женщин, и даже про наркотики. Раньше на территории «Колеса» работало крупное казино, но после запрета азартных игр в стране, его закрыли, это очень многих огорчило, наверняка владельцев в первую очередь. А теперь оказывается, мой отец был одним из владельцев, кстати, об этом никто никогда не говорил, ни в новостях, ни во время интервью, ни при вручении какой-нибудь награды за благотворительность. Но все эти мысли улетали из моей головы, при понимании того, на что мне намекает человек, сидящий напротив. Я наследница и «Колеса» в том числе.

– Боря обожал клуб, – сказал Антон.

– В это я охотно верю, – проговорила я в сторону, и даже мне в собственном голосе послышалось неприкрытое ханжество и занудство. Я даже откашлялась.

Антон же моя реакция развеселила.

– А ты была в «Колесе»?

Я принялась за салат. Активно жевала, после чего качнула головой. Но надо сказать, что Антон не рассмеялся в открытую и поддразнивать меня не стал, лишь пообещал:

– Я тебя свожу.

– Зачем?

– Чтобы ты посмотрела. На какую-то часть оно теперь тебе принадлежит.

– Я не хочу говорить о наследстве.

– Почему? Тебе деньги не нужны?

Я замялась. Деньги мне были нужны, в конце концов, деньги всем нужны. Милый вишнёвый «жук» как никогда был ко мне близок. Но мама воспитывала меня по-другому.

– Я не считаю, что имею какое-то право на наследство.

Нам принесли горячее, Антон молчал, ждал, пока официант выполнит свою работу, после чего сделал жест рукой, прося, чтобы нас поскорее оставили наедине. Я же проводила молоденького официанта взглядом, понимая, что после его ухода последует разговор, который меня не порадует. И Антон не стал долго ждать и перешёл прямо к делу.

– Вот что ты глупости говоришь? Это ты прав не имеешь? Ты, которая выросла без отца, пока он миллионы наживал? Пока баловал другую дочь, а ты в это время хоть что-то от него видела? По-моему, это заслуживает хорошей компенсации. Трети всего его состояния. А поверь мне, цифра тебя впечатлит. Боря не собирался умирать, и жене не доверял, поэтому не оставлял завещаний и ничего ни на кого не переписывал, я точно знаю. И ты имеешь все права.

Есть я больше не могла, да и не хотела, тыкала вилкой мясной рулет и думала. Потом задала вопрос.

– Вам с этого какая выгода?

Он секунду обдумывал ответ, который стоит мне дать, а скорее всего, приценивался ко мне, после чего сказал:

– Ты права, я нисколько не правдолюб. Но сейчас, после Бориной смерти, сложилась такая ситуация, что мне нужны союзники. Понимаешь, Лера, когда я стал работать с твоим отцом, у него уже было многое, а я лишь начинал, но при этом я много работал все эти годы, много и упорно, и заработал достаточно, и для себя, и для него. И Боря это признавал. Он в последние годы расслабился, бросился во все тяжкие, всю основную работу скинув на меня. Но я не возражал, дело тут в другом. На данный момент мы имеем практически равные доли в бизнесе. Практически, – повторил он, – но не совсем. И если сейчас Марина начнёт считать, – а она начнёт, поверь! – она мало того, что будет трепать мне нервы, так ещё и бизнесу навредит. А мне очень не хочется не то что делиться с ней и отчитываться перед ней, но особенно знать, что у неё прав, точнее, процентов в моём, – с нажимом отметил Антон, – деле, в моём

бизнесе, больше. Она не упустит возможности мне об этом всякий раз напомнить. И поэтому мне нужна ты.

Я едва слышно хмыкнула.

– Разбавить её проценты.

– Как хочешь назови. По сути, это сделка. Потому что без меня тебе вряд ли удастся получить больше двух серебряников из отцовского состояния. Адвокаты Марины тебя съедят, а я тебе гарантирую честную долю.

– Взамен на... – начала я с откровенным намёком на ожидаемое от него продолжение.

Антон отпил минералки из высокого бокала.

– Ты отдашь мне долю в «Колесе». Точнее, я у тебя её куплю, за справедливую цену, не переживай. Но мне это нужно. Ну и, возможно, ещё процентов десять активов компании. Мне необходим перевес. В остальном же... ты станешь богатой женщиной.

– Но прежде нужно будет повоевать, – невесело проговорила я.

– Воевать буду я, в этом и прелесть.

– Не уверена.

– Почему? Я могу поклясться. – Антон широко и приятно улыбнулся, а я сказала:

– Не уверена, что мне это нужно.

– Он твой отец, Лера.

А я разозлилась и от стола отодвинулась, и даже позволила себе повисить голос.

– Не начинай сначала!

Антон же вроде не удивился моему выкрику, только кивнул.

– Хорошо, подумай. Завтра мы пойдём на похороны, ты оглядишься и примешь решение.

Я молчала несколько минут. Смотрела в сторону и думала, Антон в ожидании моего ответа даже поесть решил. С аппетитом ел остывший стейк и на меня поглядывал. А я в итоге со вздохом сказала:

– Мне не в чем идти на похороны. У меня ни одной чёрной вещи.

Антон, кажется, моим словам, точнее, моему завуалированному согласию, совсем не удивился. Вытер рот салфеткой, отодвинул от себя тарелку и сказал:

– Купим.

3

– Ты на самом деле пойдёшь? – Мама не отговаривала меня, она попросту не верила, что я собираюсь совершить безумство и появиться на похоронах отца. Про безумство, это также мамыны слова, не мои. Да ещё её тон, и я поневоле прониклась и засомневалась, точнее, запаниковала. Стояла перед зеркалом, смотрела на себя в чёрном траурном платье, которое непонятно почему мне очень шло, и вздыхала раз за разом, слушая материнскую отповедь. И это я ей ещё про Антона ничего не рассказала и про его затею с наследством. Наследство меня интересовало в последнюю очередь, о деньгах вообще не думалось, я собиралась на похороны с таким настроением, будто на самом деле встречу там с отцом. Словно он меня увидит, сможет оценить и что-то сказать... Он не сможет, зато я встречу с сестрой. Про неё я знала только то, что её зовут Алиса, и она меня на пять лет младше. Конечно, я не думаю, что она горит желанием сводить со мной близкие отношения, но всё же у нас один отец. Я бы хотела с ней просто познакомиться. Да и не на праздное мероприятие собираюсь, что не говори, а отца в последний путь проводить, даже такого любящего и ответственного, как мой, долг любой дочери. Скажу по секрету, я эту речь ночью сочинила, пока без сна лежала, и утром маме озвучила. Она ни одному моему доводу не вняла, меня отругала, но что могла сделать? Тем более находясь за сто пятьдесят километров?

И поэтому, выключив телефон, я снова остановилась перед зеркалом, себя рассматривая и не собираясь отступать. Поправила причёску, чтоб волосок к волоску, подкрасила губы, туфли надела, на высоком каблуке, но неудобные, и в последнюю минуту моих приготовлений, раздался звонок в дверь. Я посмотрела на часы. Надо же, он ещё и пунктуальный.

Я прошла к входной двери, перед ней на мгновение остановилась, помедлив, и молниеносным движением коснулась уложенных волос, одёрнула платье, переступила на высоких каблуках, бесшумно выдохнула, и тогда уже отперла звонок и открыла дверь. В первое мгновение мы с Антоном молчали, приглядывались друг к другу. Он меня оценивал, а я пыталась с дыханием справиться. Наверное, нужно время, чтобы к нему привыкнуть и не таращить при каждой встрече глаза совершенно неприлично. А у меня, признаться, даже во рту пересохло. Его костюм был явно пошит на заказ, потому что покупной так сидеть не может, как влитой. Чёрный, с едва заметным отливом, даже не прикасаясь к ткани, понимаешь, что она на ощупь, как масло. Снова белоснежная рубашка, но сегодня с чёрным галстуком, и в довершение нескромная улыбка, как я уже успела понять, самая привычная для Антона, она появлялась на его губах помимо его воли, от переполнявшего его самодовольства. Осмотрел меня с головы до ног, и языком прищёлкнул.

– Красота.

Я зачем-то подол платья одёрнула, показалось мне, что он взгляд на моих коленях дольше, чем было необходимо, задержал. Затем кивнула.

– Спасибо. Зайдёшь?

– Конечно, – отозвался он, не медля переступая порог квартиры и принявшись оглядываться. – Мне любопытно.

– Что именно?

– Как ты живёшь.

Я лишь плечами пожала.

– Как все.

– А где твоя мама?

– У бабушки, я отвезла её в воскресенье.

– Ты ей сказала? – Антон прошёл в комнату, опять же осмотрелся, сунул одну руку в карман брюк, а я засмотрелась на его прямую спину и широкие плечи. А ещё я постоянно ловила

себя на том, что вглядываюсь в его лицо, то есть меня притягивает его необычность – не славянские черты лица, смуглая кожа, полные губы и тёмные курчавые волосы. Антон очень коротко стригся, но всё равно очень хотелось до его волос дотронуться, я была уверена, что они пружинистые наощупь. В общем, собственное любопытство было смешно и казалось детством. Я пряталась от взгляда Антона, боясь его обидеть своим откровенным рассматриванием, мне бы такое точно было неприятно, к тому же, я не была уверена, что смогу доходчиво объяснить своё любопытство. Его наверняка с детства всё это достало. Сейчас, конечно, проще, в России появляется всё больше и больше темнокожих людей, некоторые женятся и остаются, у них появляются детки, и семьи окончательно оседают в России. И на их детей уже не показывают пальцем и не ахают. Наверное... Если честно, среди моих знакомых таких семей нет. А в детстве Антона всё было по-другому, по возрасту он как раз подходит на «дитя Олимпиады 80». Где ещё его мама в те годы могла встретить его отца, в голову так сразу не приходит.

– Лера.

Я моргнула, поняла, что и без того ему в лицо смотрю, и смущённо кашлянула.

– Ты матери про похороны сказала?

Я решила отвернуться от него, не обрадованная тем, что он всё-таки за рассматриванием меня поймал.

– Сказала. Она решила, что я сошла с ума.

– А ты сама что думаешь?

– Я же не позвонила тебе утром, не сказала, что не пойду?..

Антон усмехнулся.

– А я ждал.

Я решила проигнорировать намёк, прозвучавший в его голосе. Снова отошла к зеркалу и в сомнении посмотрела на себя в зеркало. В моей внешности и наряде изъянов не было, а вот в глазах... в глазах паника. Заметная, потому что Антон подошёл ближе, пригляделся ко мне и сказал:

– Я постараюсь тебя одну надолго не оставлять. А ты не вступай ни с кем в долгие разговоры и не вдавайся в подробности. Никого твои отношения с отцом не касаются. Ты – старшая дочь Давыдова, и ты находишься у его гроба по праву, отдаёшь дочерний долг.

Мы смотрели друг другу в глаза через зеркало, Антон высился за моим плечом, и я под его сосредоточенным взглядом нервничала ещё больше.

– Ты хочешь сказать, что может случиться скандал?

– Не думаю. По крайней мере, на глазах у людей, но Марина явно не обрадуется.

– Вчера ты мне об этом не говорил.

– Успокойся. – Он неожиданно положил ладони мне на плечи и чуть сжал их, а я даже присела немного, но поспешила взять себя в руки. Хотя, от ощущения его горячих ладоней дыхание сбилось, но я списала это на волнение перед предстоящим. Не хватало мне ещё из-за таких типов, как Антон, волноваться. Тогда можно сразу на своём разуме и душевном спокойствии крест ставить. Я ещё помню, с каким горящим взглядом он мне про «Чёртовое колесо» рассказывал. Кажется, не только мой отец бредил этим заведением, у него достойный преемник.

– Главное, глаз не опускай, – продолжил он и не спеша убирать руки. – Держись за меня, и всё будет хорошо.

– У меня складывается такое ощущение, что ты меня к войне готовишь, Антон. А я иду на похороны отца. Остальное меня не интересует.

– Это ты про наследство?

– И про него тоже.

– Значит, ты ещё не решила, – констатировал он.

Я осторожно перевела дыхание.

– Слово «наследство» для меня несколько абстрактно. Я хочу похоронить отца. Я поняла, что для меня это на самом деле важно.

Антон кивнул и отступил от меня.

– Хорошо. Не будем торопить события.

Прощание проходило в самом большом поминальном зале города. Стоянка перед ритуальным домом была забита дорогими автомобилями, то тут, то там толклись группки охранников, поджидающие своих хозяев, неподалёку я заметила микроавтобус с логотипом местного новостного канала. Следом за нами подъехали ещё три машины, из них появились люди, все в тёмных одеждах и с букетами цветов, перевязанных траурными ленточками. А я наблюдала за всем этим через стекло автомобиля, и вдруг поняла, что не могу пошевелиться, вот насколько нервничаю. Облизала губы, кашлянула, а Антон уже из машины вышел и обходил её, чтобы открыть для меня дверь. Руку мне протянул, а я медлила.

– Лера, – проговорил он негромко, то ли подбадривая, то ли убеждая меня не трусить.

Я сделала глубокий вдох и подала ему руку, вышла из машины. Антон тут же сунулся на заднее сидение, достал внушительный букет белых роз. Это я настояла на белых, сама не знаю почему. И сейчас разглядывала распустившиеся бутоны, словно от их идеальности и красоты что-то зависело, что-то измениться могло.

Антон подставил мне свой локоть.

– Идём?

Голос неожиданно проникновенный и даже сочувственный, наверное, пребывание в этом месте и его жизненную активность к земле прибило.

Я взяла Антона под руку. Сделала первый шаг. Должно быть, со стороны мы смотрелись вместе неплохо. Он высокий и тёмный, я натуральная блондинка, в новом платье, которое он мне вчера купил – в долг! – в дорогом бутике на Славянской, с букетом белых роз в руках, и на двоих у нас одинаково сосредоточенное выражение лица. Я на самом деле держалась за локоть Антона, и боялась пальцы разжать, он наверняка чувствовал, как судорожно они сжимаются.

– Здравствуй, Антон.

Он кивнул кому-то в знак приветствия, как только мы переступили порог поминального зала. Зал был просторный, заполненный людьми и вазами с цветами, и я даже не сразу увидела гроб на возвышении. А как увидела, так и взгляда отвести не могла. Лишь отстранённо прислушивалась к голосу Антона, который то и дело здоровался с кем-то. Кажется, ему даже соболезнования выказывали, как члену семьи. А потом он вдруг выдвинул меня перед собой и сказал:

– Это старшая дочь Бориса, Валерия.

Я отвела взгляд от гроба отца, и вдруг поняла, что вокруг нас собралось немало людей, и после слов Антона меня принялись разглядывать, кто просто с любопытством, а кто и с недоумением. Я же стояла, прижимая к груди букет, и не знала, что сказать. Поэтому обратилась к Антону.

– Я бы хотела... подойти к нему.

– Конечно, – негромко отозвался он. – Пойдём.

У меня тряслись руки. Я этого совершенно не ожидала, ещё два дня назад была уверена, что вряд ли что-то почувствую, это ведь, по сути, незнакомый мне человек. А оказалось, что эмоций в избытке, и они попросту задушили. И, наверное, это было заметно, или Антон просто почувствовал, но я была благодарна ему, что не оставил, а наоборот поддержал, в прямом смысле слова. В какой-то момент я немного осела на его руках, смотрела на отца в гробу, и у меня даже дышать не получалось.

На протяжении всей моей сознательной жизни, я отца только на фотографиях видела. Он, я, совсем ещё маленькая, а порой и вовсе младенец; в последние годы он мелькал на теле-

экране, в выпусках городских новостей, поседевший и набравший в весе, но сейчас, сейчас он совершенно не был на себя похож. Ни на прежнего, ни на того, кого я видела на экране телевизора. При жизни он всегда одевался достаточно демократично – джинсы, рубашки, которые больше подошли бы мужчинам помоложе, я его в костюме, кажется, никогда и не видела, а в гробу он лежал в тёмно-синем костюме-тройке и при строгом галстуке, и на себя похож не был, даже лицом. Понятно, что смерть никого не красит, и, скорее всего, над ним поработал гримёр, но всё равно... от этой непохожести мне лишь ещё больше жутко стало. Мне показалось, что я целую вечность на него смотрела. Понимала, что мне плохо, что меня трясёт, а в горле ком, но в сознании никак не получалось уложить, что это мой отец.

– Антон, – тихо позвала я.

– Что?

– Я не знаю, куда цветы положить, – в некоторой панике призналась я.

– Поставь в вазу, вот сюда.

Цветы я поставила, расправила, хотя руки и не слушались, отступила на шаг и выдохнула, словно что-то непосильное сделала. Признаться, мне сказать было нечего. Вот если бы меня спросили, что бы я сказала своему отцу на прощание – я не знала. Я не чувствовала злости на него или обиды, не чувствовала горечи утраты, ощущалась лишь печаль по чему-то неузнанному, а не ушедшему. Я машинально оперлась на руку Антона, ещё секунда и я отвернулась.

– Пойдём.

Мы спустились с возвышения, на котором был установлен гроб, всего две ступеньки вниз, а словно в другое измерение, и я снова обратила внимание, что за нами наблюдают. Видимо, слух о том, что у Давыдова отыскалась ещё одна дочь, уже распространился.

– Лера, всё хорошо?

Я глаза на Антона подняла, он немного хмурился, приглядываясь ко мне. Я поспешила кивнуть.

– Да. Я просто растерялась немного.

– Не мудрено.

Я вдруг улыбнулась, хоть и едва заметно.

– Так странно слышать от тебя это слово.

– Почему?

– Оно тебе совсем не подходит.

Он еле слышно фыркнул, явно чтобы меня поддержать.

– Вот только не надо намёков, девушка.

– Можно я тебя снова под руку возьму?

– Даже нужно. – Он призывно выставил локоть вперёд. Затем спросил: – Хочешь выпить?

– А здесь есть?

– Думаю, вино точно есть. Сейчас поищем. – Кинул на меня изучающий взгляд. – Ты бледная.

Я невольно схватилась за щёки. А когда увидела приближающуюся к нам женщину, приглядывающуюся ко мне с красноречивым прищуром, руки поспешила опустить. Я не знала Марину Леонидовну, жену отца, в лицо, но была уверена, что это именно она. Лет сорока, платиновая блондинка, загорелая и с такой королевской осанкой, что мне поневоле захотелось расправить плечи, чтобы не выглядеть челядью на её фоне. Она шла к нам через зал, степенно и не спуская с меня глаз, окидывая критическим взглядом, и я была уверена, что лишь большое количество зрителей вокруг, не позволяло ей прямо и с наскака высказать своё мнение по поводу моего присутствия здесь. На ней был чёрный костюм с гипюровыми вставками, а на голове что-то вроде шляпки-таблетки с намёком на вуаль, которая на самом деле едва прикрывала её лоб. Марина Леонидовна подошла и тут же перевела взгляд с меня на моего спутника.

– Антон, – вроде бы поприветствовала она его, но тут же укорила: – Ты опоздал.

Тон был властный и обвиняющий, и видимо, Марина Леонидовна не сомневалась, что имеет на него право.

– Не опоздал, я задержался. К тому же, виновник торжества у нас Боря, вот без него бы не начали, а мы с тобой лишь гости.

– Как всегда хохмишь.

Антон безразлично пожал плечами и тогда уже указал на меня.

– На самом деле, я заезжал за Лерой. Вы ведь знакомы? Дочь Бори от первого брака.

Мы с Мариной Леонидовной уже в открытую друг на друга посмотрели, я удостоилась ещё одного оценивающего взгляда, стерпела его, но на всякий случай нахмурилась. Но себя пришлось перебороть, и я протянула жене отца руку.

– Валерия, – представилась я, и заметила, как Марина Леонидовна украдкой огляделась. Мы обе понимали, что за нами наблюдают, и именно это обязывало к вежливости, и Марина руку мою пожала, хотя на самом деле едва коснулась и тут же свою руку отдернула. Чопорно поджала губы.

– Да, Боря мне рассказывал, – нехотя призналась она. – Меня зовут Марина Леонидовна. А ваша мама... тоже нас посетила?

– Нет. Мама... на отдыхе, – сказала я, решив не болтать про дом в деревне и плантацию огурцов и болгарских перцев. Что-то мне подсказывало, что Марина Леонидовна даже не поймёт о чём я.

– Что ж, – ещё один уничтожающий взгляд достался Антону, – каждому своё: у кого-то горе, а у кого-то отдых по плану. Жаль, что вы, Валерия, не приехали, когда Боря был жив, уверена, что он проявил бы любопытство к вашей судьбе.

Антон, не скрываясь, усмехнулся. Меня, признаться, тоже «любопытство» царапнуло. Но я постаралась сохранить спокойное выражение на лице.

– Да, сейчас мне тоже жаль, что мы совсем с отцом не общались. Думаю, он был интересным человеком.

– Не сомневайтесь в этом. А вы, Валерия, чем занимаетесь?

– Я преподаю алгебру и геометрию.

Марина Леонидовна чуть сдвинула брови.

– В школе работаете?

– Да, уже четвёртый год.

– У Бори тоже было математическое образование.

– Я знаю, мама мне рассказывала.

– А что ещё она вам рассказывала?

– На самом деле, немного. В основном то, что касалось времени их знакомства с отцом и первых лет брака, про то, что последовало дальше, мама говорить не любит.

Марина Леонидовна покивала, хотя я была уверена, что то, что я говорила, её мало интересовало. Она продолжала ощущать меня взглядом, прятала в глазах недовольство, потом обернулась, заметив кого-то, и позвала:

– Алиса, подойди сюда.

От группы людей отделилась девушка, невысокая, фигуристая, я бы даже сказала, что с пышными формами, но весьма соблазнительными, и такая же платиновая блондинка, как и мать. При её смуглой, избалованной солярием, коже, такой цвет волос выглядел несколько экстравагантно, что её, судя по всему, нисколько не смущало. Она уверенно передвигалась на высоких – очень высоких! – каблуках, наверное, надеялась казаться выше; на светящемся улыбкой лице особого горя я не заметила, хотя, тут же поняла, что радость её минутна и предназначалась она Антону. Алиса как увидела его, так и разулыбалась, а в глазах прямо-таки огонь разгорелся. Я даже не удержалась и на Антона посмотрела, тот особой радостью не воспытал,

спокойно смотрел на девушку, даже чуть снисходительно. А она к нему подошла и за руку схватила. И как мать недавно, обвинила его:

– Ты опоздал. Хотя, мог бы и заехать за мной.

– Занят был, – коротко отозвался Антон, явно не желая вдаваться в подробности.

– Алиса, – одёрнула дочь Марина Леонидовна, и взгляд, который она к ней обратила, был буравящий и предостерегающий. – Я хочу тебя кое с кем познакомить. – На меня указала рукой. – Это Валерия... – Вот тут произошла заминка, Марина Леонидовна явно не знала, как правильно меня представить. – Старшая дочь твоего отца.

Антон снова не удержался и усмехнулся, я же молчала. А вот Алиса непонимающе сдвинула брови при взгляде на меня.

– Кто?

Антону пришлось пояснить.

– Твоя старшая сестра, Лиска.

Алиса на меня во все глаза уставилась.

– Понятия не имела, что у меня сестра есть.

Марине Леонидовне вроде бы неудобно стало, и она вполголоса шикнула:

– Не говори ерунды, папа тебе рассказывал.

– Я не помню.

Антон посмотрел на меня, и будто извиняясь за неё, сказал:

– Не обращай внимания, у неё голова, как дуршлаг.

– Антон, придержи язык, – разозлилась на него Марина.

А Алиса возмущённо, но не зло, тряхнула его за руку.

– Перестань. Я помню всё, что мне нужно. – Она повернулась ко мне, внимательно оглядела с головы до ног, потом спросила: – Ты натуральная блондинка?

Антон не скрываясь, закатил глаза. Я же кивнула, признаваясь.

– Да, натуральная.

– Хм. А сколько тебе лет?

Я на короткое мгновение встретилась с Антоном глазами.

– Двадцать семь.

– Это хорошо. – Она тоже на Антона посмотрела и улыбнулась ему. – Я моложе.

– Жаль, что мозгов у тебя, душа моя, не прибавится даже, когда тебе двадцать семь исполнится.

– Хочешь сказать, я дура?

– Прекратите оба, – вновь призвала их к порядку Марина Леонидовна, на меня кинула настороженный взгляд. – Валерия, мы с вами ещё обязательно пообщаемся, позже. – Она взяла дочь за руку и от Антона ту буквально оттащила. – Сейчас будут выносить гроб, нам надо быть рядом с Борей.

Услышав эти слова от любого другого человека, я бы поспешила с пониманием кивнуть, но не в этот раз. Марина Леонидовна не была похожа на убитую горем вдову, в этом Антон прав. Но я лишь согласно кивнула, ощутив облегчение от того, что она окажется от меня на значительном расстоянии. Да и девушка, оказавшаяся моей сестрой, с первых минут никаких родственных чувств во мне не вызвала.

– Рядом с Борей им надо быть, – проговорил Антон им вслед чуть насмешливо. Потом в лицо мне заглянул. – Ты как?

– Не знаю, – призналась я. – Я думала, что уж с сестрой встречусь немного иначе.

– Не переживай. У тебя ещё будет время узнать её получше. Хотя, если честно, у Лиски не слишком богатый внутренний мир. И в этом Боря, кстати, виноват.

– Почему?

Его рука как бы сама собой легла на мою талию.

– Я тебе потом расскажу. А сейчас пойдём.

– Куда?

– Ты должна быть у гроба. Ты дочь.

Когда началась официальная церемония прощания, присутствующие начали произносить речи, Антон буквально выпихнул меня вперёд. Я оказалась стоящей рядом с Алисой, а он прямо за мной, на правах партнёра по бизнесу и близкого друга семьи. Я попробовала протестовать, хотела отступить на пару шагов, но он вцепился в меня, точнее, в мою талию, и удержал на месте, хотя со стороны наверняка казалось, что он так трогательно меня поддерживает. Имея на свою трогательность и фамильярность какие-то права. И это было замечено, например той же Алисой, которая впиалась глазами в моё лицо, совсем не по-сестрински, надо сказать, и я поняла, что нарушила границу и заступила на её территорию, между прочим, сама того не желая. И тут же разозлилась на Антона. Мог бы и предупредить! Я ещё толком не успела с сестрой познакомиться, а он уже помог мне испортить с ней отношения.

– Теперь она меня ненавидит, – скорее проворчала, чем проговорила я. Церемония закончилась и все направились к автобусам и своим автомобилям, чтобы отправиться на кладбище.

– Кто? – спросил Антон, поигрывая ключами о машины.

– Алиса. Она полчаса меня взглядом сверлила. – Я ткнула себя пальцем в щёку. – У меня, наверное, шрам останется.

– Не выдумывай. Идеальная щёчка с идеальным румянцем.

Я кинула на этого донжуана подозрительный взгляд.

– Это макияж. Странно было бы быть румяной на похоронах отца.

– Пусть так. – Он вместе со мной обошёл машину и открыл мне дверь. А я, оказавшись с ним лицом к лицу, неожиданно для самой себя сказала:

– Она в тебя влюблена.

Он хмыкнул, слегка навалился на дверь машины, и мы оказались с ним нос к носу. Его тёмный нос коснулся моего белого, это было странно и до ужаса волнительно, я даже отшатнулась, не справившись с собой.

– Ты хочешь поговорить со мной о любви? – тем временем спросил он.

– Нет.

– А мне, кажется, хочешь.

Я не стала дожидаться, пока он рассмееётся мне в лицо, села в машину и всё-таки услышала смех Антона. Негромкий, но вполне довольный.

Словно в подтверждение моих слов и догадок, Алиса на кладбище от Антона не отходила. Взяла его под руку, как только подошла, точнее, вцепилась в него, и всю церемонию погребения не отпускала от себя. Мне к тому моменту не до этого стало, если честно. Я наблюдала за тем, как гроб опускают в землю, начинают закапывать, ощущала смутную тревогу от заунывного звука молитвы, что читал батюшка, и чувствовала, как неприятно сжимается сердце. Я не плакала, но на душе было тяжело. Даже коснулась своего горла, когда его спазмом перехватило, и мысленно произнесла: «Папа». Гроба уже не было видно, все начали подходить к краю могилы, чтобы кинуть горсть земли, я тоже подошла. Потом долго отряхивала руку от песка.

– Зачем ты её привёл? – услышала я голос Марины Леонидовны.

Я возвращалась на стоянку, к машине Антона, обходила автобус и замерла, спрятавшись за ним, услышав возмущённый голос мачехи. Или она мне не мачеха? И я не сомневалась нисколько в том, к кому она обращается и кого в виду имеет.

Антон ответил то же, что и мне говорил в последние два дня.

– Она его дочь.

– Ради Бога, не морочь мне голову. Играть со мной вздумал? Думаешь, я испугаюсь какой-то девчонки?

– А что её бояться, Марин? Такой красавицы.

– А ты уже и хвост распустил, да? Одного вы с Борей поля ягоды. Всё вам баб мало. Послушай меня, Антон, неужели ты думаешь, что мы с тобой договориться по-хорошему не сумеем?

– Не договоримся, Марина, – проговорил он с некоторой ленцой. – Ты это знаешь, и я это знаю. Никогда не верил в твоё благодушие, и не поверю никогда. И не вздумай мне рассказывать про мнимые завещания. Не было завещания, мне это отлично известно. Вздумаешь шутки со мной шутить, я тебе ещё и статью за мошенничество обеспечу.

– Вступишься за какую-то непонятную девчонку? Какая она ему дочь?

– Законная, Марина, законная. И бесишься ты именно поэтому. Разве нет?

Повисла пауза, я так поняла, что Антон уходил, а потом Марина Леонидовна проговорила ему вслед, громче, чем следовало и достаточно зло:

– Я тебя с голым задом оставляю. Каким был, таким и уйдёшь. По миру пушу!

Затем я услышала шаги по гравию, поняла, что она в мою сторону направляется, и, не зная, как правильнее поступить, нырнула в автобус, побоявшись встретиться с ней лицом к лицу после всего услышанного. Автобус ещё был пуст, и я спокойно переждала пару минут. Но когда вышла, всё-таки опасливо огляделась, и только после этого направилась на стоянку, искать Антона. Конечно же, я не собиралась ничего ему рассказывать, на данный момент ещё не знала, как следует реагировать, необходимо было обдумать. Я не была удивлена недовольством по отношению к моей персоне, но злость, звучащая в голосе Марины Леонидовны, меня впечатлила.

Антон стоял у своей машины, кстати, сегодня это была не синяя «пуля», а солидного вида внедорожник. Стоял он не один, беседовал с незнакомым мне мужчиной, а на его левой руке снова висела Алиса. Висела, молчала, видимо томясь от не интересующего её разговора, что не мешало ей жаться к боку Антона, как погибающий прижимается к своему спасителю. Увидела меня и откровенно поморщилась. Кажется, её совсем не волновало, что я её сестра, она могла думать только о том, что я пришла с Антоном, и он проявляет ко мне определённый интерес. Больше финансового плана, но это знала я, а не она, да и что-то мне подсказывало, что и этот факт вряд ли бы Алису хоть как-то успокоил. Она увидела меня, и прильнула к Антону теснее, видимо, пытаясь продемонстрировать мне свои права.

А вот Антон мне улыбнулся.

– Всё в порядке?

Я кивнула, взглянула на мужчину.

– Это Валерия, – представил меня Антон.

Я поздоровалась с незнакомым человеком за руку, ответила на пару банальных вопросов, потом отвлеклась на Алису, которая решила возвращаться в город с нами, а не с матерью. Антон улыбался до тех самых пор, пока рядом с нами был чужой человек, после чего тут же посуровел лицом.

– Возвращайся к матери. Там родственники ваши, что они скажут?

– Да ничего они не скажут. Я уже устала от их ахов и охов. Ты бы слышал, что они ей говорят!

– Алиса, это похороны твоего отца, а не семейные посиделки. Ты должна быть с матерью. Она повернулась к нему, загородив меня плечом.

– А ты с ней поедешь? – немного понизив голос, спросила она. От той детской обиды, что прозвучала в её голосе, я лишь усмехнулась. Антон же весьма выразительно прищурился.

– Да, Лиса, я поеду с ней. И прекрати выводить меня из терпения. Поговорим позже.

– Когда?

– Позже, – с нажимом проговорил он.

Я хоть и старалась на них не смотреть, но всё равно заметила, как рука Алисы скользнула по его груди в фамильярном жесте, а затем моя младшая сестрёнка, перейдя на шёпот, но позаботившись о том, чтобы я непременно услышала её слова, поинтересовалась:

– Ты вечером заедешь?

– Я подумаю, – без всякого намёка на мягкость в голосе, сказал Антон, буравя девушку взглядом. – Иди уже.

Алиса вздохнула на показ, после чего на меня взглянула и скупно улыбнулась.

– Пока.

Я тоже улыбнулась без особого энтузиазма.

– Пока.

– Дурная девчонка, – проговорил ей вслед Антон, а я мысленно его дополнила: «Дурная девчонка, с которой ты спишь», но вслух ничего не произнесла, и в машину села, как только он для меня дверь открыл.

– Куда теперь? – спросила я, когда мы с кладбища выехали.

– Поминки в ресторане. Зал на триста человек.

Я голову на подголовник сидения откинула и закрыла глаза.

– Кошмар.

Антон быстрый взгляд на меня кинул.

– Не хочешь идти?

– Ты скажешь, что я должна.

– Не должна, – вдруг заявил он. И ещё более неожиданно предложил: – Поехали ко мне.

Я глаза открыла и удивлённо на него посмотрела.

– Что?

Он плечами пожал.

– У меня есть бутылка хорошего вина, холодильник, кажется, не пустой, а главное, никого вокруг. Посидим вдвоём, Борю помянем. Я тебе расскажу про него что-нибудь, если хочешь.

Я к окну отвернулась.

– А как же Алиса?

Антон уж как-то слишком понимающе усмехнулся.

– Я же сказал, что подумаю. Ну вот, я подумал.

Жил Антон за городом, в очень хорошо знакомом мне посёлке. Не в том смысле, что я в нём бывала, с чего бы мне бывать в охраняемом посёлке, у меня и знакомых таких до сегодняшнего дня не было, но я проезжаю мимо каждый раз, как еду к бабушке. Смотрю на аккуратные кирпичные коттеджи за коваными заборами, можно сказать, что люблю, а теперь вот представился случай побывать внутри, изучить и рассмотреть. Дом Антона был одним из тех, что располагались на самом берегу Волги. Двухэтажный коттедж из светлого кирпича, с коваными балкончиками и большими окнами. Вокруг дома подстриженный газон, пара ухоженных клумб и пышный кустарник. За всем этим явно приглядывал садовник. Мы въехали на участок, остановились у ворот гаража, а когда Антон из машины вышел, я в первый раз огляделась и тайком вздохнула. О таком доме я даже мечтать боялась, чтобы зря не расстраиваться, поэтому моя мечта была куда скромнее – «жук», и то часто казалась мне неосуществимой.

Антон открыл мне дверь и галантно подал руку. Я её приняла, из машины вышла с его помощью, но сказать честно, его упорная галантность по отношению ко мне, настораживала. Чувствовалось, что это неспроста.

– Милости прошу, – сказал он, обводя рукой свои владения. – Не против, если мы в дом со стороны веранды зайдём? Покажу тебе, из-за чего я этот дом купил.

– Уже не знаю, к чему готовиться, – проговорила я вполголоса, вызвав у Антона улыбку. Зато оказавшись за домом, попросту ахнула, не скрываясь. – Красота какая, Антон!

– Красота, – с удовлетворённым вздохом согласился он. Остановился, наблюдая то ли за мной, то ли тоже впитывая в себя красоты природы. А я прошла вперёд по газонной травке, не в силах убрать с лица восторженную улыбку, хоть что-то хорошее за сегодняшний кошмарный день. Прошла до дощатой пристани и сощурилась, глядя на Волгу, сияющую

в лучах солнца. На другом берегу, на вполне приличном расстоянии, русло в этом месте было достаточно широким, живописная деревушка и видна колокольня церкви. По реке пронеслась моторная лодка, и спустя минуту о пристань ударились первая волна, за ней другая, и я чуть отступила, испугавшись, что промочу туфли. А когда обернулась, увидела, что Антон уже стоит в дверях дома и машет мне рукой.

– Очень красиво! – поделилась я с ним своим восторгом. – Ты давно здесь живёшь?

– Два года почти. Когда купил, вокруг ещё стройка шла. Но это стоило того, чтобы потерпеть.

– Здесь можно и без дома, в палатке жить, – засмеялась я.

– Ну да, с милым рай и в шалаше, – отозвался он, но я не совсем поняла его мысль.

А Антон распахнул передо мной дверь. – Проходи.

Мы вошли и сразу оказались на просторной кухне. Ничего лишнего, ни цветов в горшках, ни салфеток расшитых, которые так любят женщины, сплошной технический прогресс. Но чисто. Слишком чисто для одинокого мужчины, всё блестит и сияет, надо думать, стараниями домработницы.

Антон первым делом заглянул в холодильник.

– Ты есть хочешь? – спросил он меня.

– Да.

– Я тоже. И наша сытость зависит от тебя.

Я лишь головой качнула.

– А ты хитрый.

– А то.

Прежде чем направиться к холодильнику и взяться за готовку, к чему меня Антон открыто призывал, я прошлась по кухне, потом заглянула в гостиную, интересничая, а в итоге спросила:

– Не против, если я туфли сниму? Они такие неудобные.

Антон хмыкнул. Весьма красноречиво хмыкнул, и я без труда догадалась, какой ответ ему на ум в этот момент пришёл, причём, молниеносно, как любому мужчине. Но он счёл правильным промолчать, и это было разумно. Правда, улыбка его говорила о многом, и я пихнула его локтём, специально и достаточно болезненно, чтобы потеснить его у холодильника. Туфли задвинула ногой под стол, из холодильника достала замороженную курицу, и вдруг поймала себя на мысли: какой всё-таки невероятный по событиям сегодня день. Начался с тревог и сомнений, продолжился похоронами отца, а сейчас я в доме мужчины, которого до вчерашнего дня и не знала, ужин ему готовлю. Что совершенно на меня не похоже. И на вопрос: почему я приняла приглашение приехать к нему, у меня ответа не находилось. Но при мысли, что окажусь дома, в одиночестве, и буду вспоминать и анализировать случившееся, на душе становилось тяжело. И я старательно избавлялась от этой тяжести, нарезаю салат и натирая курицу специями.

– Пахнет вкусно, – сказал Антон, вернувшись минут через десять на кухню, успев сменить чёрный костюм на джинсы и футболку.

– В твоём холодильнике я нашла только курицу и овощи. И ещё виноград.

– О, это Аннушка постаралась, она меня подкармливает.

– Кто такая Аннушка?

– Домработница. Золотой человек, несмотря на то, что вечно раскладывает мои вещи по странным местам. – Он продемонстрировал мне бутылку. – Я вино принёс. Выпьем прямо сейчас?

Я плечом дёрнула, не отказываясь, и через пару минут в моей руке оказался бокал с красным вином. Я сначала потянула носом терпкий аромат, затем сделала глоток.

– Вкусно?

Я кивнула.

– Боря из Испании привёз пару месяцев назад.

Я едва не поперхнулась. Антон заметил и повiniлся.

– Прости.

Я ничего не ответила, вернулась к приготовлению ужина, а после нескольких минут молчания спросила:

– Вы были друзьями?

– Да.

– У вас большая разница в возрасте.

– Он не чувствовал себя шестидесятилетним. На этом, наверное, и погорел. Побегёс бы, дольше прожил. А он думал, что ему всё тридцать. Врачи говорили: шестьдесят, а он их посылал. И спрашивается: кто оказался прав?

– Ты говорил, что у него была любовница...

Антон опустошил свой бокал, а после моих слов лишь рукой махнул.

– Она никто. В «Колесе» танцует. Боре нравилась.

– Настолько, что он на ней умер...

Антон присмотрелся ко мне.

– Не принимай близко к сердцу. Такой уж он человек был. Всё с размахом. – Антон вдруг усмехнулся. – Думаю, он себе другой смерти и не пожелал бы. Правда, годков на двадцать попозже.

Я обернулась через плечо, и поняла, что Антон сидит на высоком барном стуле и меня разглядывает.

– Что смотришь?

Он хмыкнул.

– Ты на мать похожа?

– Чем-то. А что?

– На Борю вроде не похожа, и с Алиской вы разные совершенно. Кстати, как она тебе?

– Она... – Я слова подбирала, одновременно обдумывая. – Она ещё не повзрослела.

Антон даже рассмеялся.

– Это точно. Подзадержалась в капризном семилетнем возрасте.

– Ну, зачем ты так? На семилетнюю девочку она совсем не похожа, думаю, ты спорить не будешь.

– Это ты сейчас о чём?

Мне стало неудобно за свои намёки, они явно были неуместными, и поэтому я лишь дёрнула плечом, продолжая стоять к Антону спиной. Но он и сам догадался, потому что усмехнулся.

– Думаешь, я с ней сплю?

Я головой покачала, отказываясь и надеясь, что мы сменим тему, но Антон не спешил.

– Думаешь, думаешь. И, кстати, зря. Я не любитель незрелых, избалованных девчонок. Хотя, она не прочь, лет с восемнадцати почему-то уверена, что я на ней женюсь.

– Так почему бы тебе этого не сделать? И все твои проблемы решатся сами собой.

– Это какие такие проблемы?

Язык прикусывать было поздно, и я решила выкручиваться.

– Про которые ты мне вчера говорил. Про доли и наследство.

– А-а. Знаешь, Лер, это была бы слишком большая жертва с моей стороны. При одной мысли, что Марина моей тещей станет, у меня на висках седина пробиваться начинает. – Он голову повернул и пальцем указал. – Вот, видишь? Уже.

Я ложку облизала и рассмеялась.

– Не выдумывай. Хотя, ты прав по поводу Марины Леонидовны, она очень решительный человек.

– Сука она, – сказал вдруг Антон совершенно нейтральным тоном, а я удивлённо посмотрела на него. – Боря бы никогда с ней не развёлся, она его знаешь как держала? – Он кулак сжал и стал его разглядывать. – Вот прямо за одно место и держала. Иначе он бы от неё давным-давно сбежал.

Я непонимающе хмурилась.

– Она... знала про него что-то серьёзное?

– Не знаю, если честно. Боря об этом говорить не любил. Но по бабам ходил, я бы даже сказал, бегал, и этого не скрывал. Вот так они и жили.

Я даже передёрнулась, как от озноба. Потом газ выключила.

– Всё готово. Где есть будем?

– Давай на веранде? Я на стол накрою.

Через десять минут мы уже сидели за накрытым столом, Антон с аппетитом ел, а я лишь попробовал то, что приготовила, и снова пригубила вино. Смотрела на Волгу и думала. Потом спросила:

– А Алиса где-то учится?

– Учится. Она у нас особа творческая, певицей будет, эстрадный вокал. Хотя, я советовал пойти в эстрадно-цирковое.

– У неё хороший голос?

– Лера, у неё куча бабок, на которые покупается продюсер, и снимаются клипы.

– Не может же быть всё так плохо, – не поверила я.

Антон плечами пожал.

– Наверное, не может. Но голос у неё достаточно средненький, правда, её научили им пользоваться правильно, поставили.

– Вот видишь.

– Мне как-то всё равно, мне её не слушать.

Я с минуту наблюдала за тем, как он ест, жуёт сосредоточено, но довольным не выглядит.

– Не вкусно? – спросила я.

Антон очнулся от своих мыслей, на меня взглянул непонимающе, после чего поспешил заверить:

– Очень вкусно.

– Просто ты морщишься.

Он, кажется, удивился.

– Правда?

Я кивнула. А он тут же заверил:

– Это не из-за еды. Правда, вкусно.

– Антон, я просто хотела тебя отвлечь, – призналась я.

– А ты сама чего не ешь?

– Не знаю, наверное, перенервничала.

– Тогда выпей. – Он подлил мне вина. – Давай ещё Борю помянем. – Мы молча выпили, я снова стала смотреть в сторону, на церковную колокольню вдалеке, задумалась, и поэтому растерлась от его следующего вопроса. – Ты никогда не думала встретиться с отцом?

Я моргнула раз, другой, затем головой покачала.

– Почему?

– Сама не знаю. Я второй день об этом думаю, и ответа не нахожу. Наверное, я не чувствовала в этом необходимости. У меня была мама, бабушка, тётки и братья с сёстрами. Целая куча родственников. А отец... Я спрашивала маму, когда помладше была, она не горела жела-

нием рассказывать мне подробности. Одно было неоспоримо и понятно: он нас бросил. На этом мой интерес иссяк.

– Понятно. К тому же, ты девчонка.

– Это тут причём?

– Ну, тебе с мамой было комфортнее.

– Я знала о нём, Антон. В юности я узнала, что он не где-то на просторах нашей родины затерялся, что он никуда не уехал, живёт с нами в одном городе, что у него семья и другая дочка. Признаюсь, что меня это царапнуло, но желания встретиться и посмотреть ему в глаза, так и не возникло. Я видела его по телевизору, и не раз, и ничего не чувствовала. Или приказала себе не чувствовать, не знаю. Он просто был, жил, что-то делал, всем вокруг помогал, кроме меня. А позавчера я снова услышала его имя в новостях, и сказали, что он умер. Это было, как гром...

Антон вдруг руку через стол протянул и коснулся меня. Я уставилась на его тёмную руку, на фоне моей – чересчур светлой, почти мраморной, с просвечивающими венками, такая уж у меня кожа, почти прозрачная. А его кожа была цвета моего любимого молочного шоколада, ну может немного светлее. И меня это завораживало.

– Лера, ты опьянела, – сказал он, похлопав меня по руке.

Я поторопилась согласиться.

– Да. Стоило поесть.

– И отдохнуть тебе надо. Ты ночью, вообще, спала?

– Наверное. Кажется, мне что-то снилось.

– Поешь, и я тебя спать уложу.

Я глупо рассмеялась.

– Ты меня спать уложишь?

– А что, ты испытываешь на мой счёт какие-то опасения?

У меня от его тона щёки вспыхнули, и я осторожно вытянула руку из-под его ладони. Снова схватила бокал с вином, будто мне мало было путающихся мыслей и шума в голове.

– Отвези меня домой.

– Не выдумывай. Ты пьяна, ты хочешь спать, а предлагаешь мне везти тебя в город в час пик, по всем пробкам. К тому же, я тоже пил. У меня две гостевых спальни, выбирай любую. Откроешь окно, свежий речной воздух, тишина... – Он откровенно меня заманивал.

– Антон, прекрати, – засмеялась я.

– Личная охрана, – закончил он под мой смех, и сам улыбаясь. – А с тебя завтрак, идёт?

Я головой покачала, но меня уже никто не слушал. Спустя минут десять, Антон поднял меня из-за стола и увёл на второй этаж. Я ещё пыталась протестовать, но бойко не получалось, а уж оказавшись на мягкой постели, желание спорить и вовсе пропало. Я прилегла на подушку, вздохнула устало и удовлетворённо одновременно, и ленивым взглядом обвела комнату.

– Я принёс тебе футболку и полотенце, – сказал Антон, вновь появляясь в комнате. Он остановился перед кроватью, смотрел на меня, а я своим пьяным мозгом не сразу поняла, что веду себя несколько провокационно. Поторопилась сесть, пригладить волосы и поблагодарила за беспокойство. Антон в ответ улыбнулся, но несколько вынужденно.

– Отдыхай. Пусть это будет самый плохой день в твоей жизни. – Я странно посмотрела, а он пояснил: – Так моя мама говорит. Спи, Снежинка.

4

Проснулась я в полном непонимании того, где нахожусь. Глаза открыла, в постели повернулась, руки раскинула, и вот тогда поняла, что я не дома. В окно с незнакомыми шторами светило солнце, слышался лёгкий плеск воды и пение птиц. Я моргнула спросонья, ещё раз обвела взглядом комнату, и вот тогда уже всё вспомнила. Сразу пришла неловкость и волнение, по крайней мере, сердце ёкнуло, это при мысли об Антоне, я на локте приподнялась, искала глазами часы. Голова не болела, но была тяжёлой, а мысли все неповоротливыми и тягучими. Что совсем не помешало мне с кровати вскочить, как только поняла, что проспала. На работу к девяти, сейчас восемь, а я лежу. А воображение уже рисует картину, как я оправдываюсь перед Стасом за своё опоздание, и краснею при мысли о том, где и с кем эту ночь провела.

– Боже, боже, – бормотала я, раскатывая по ноге шёлк чулка и суетливо расправляя резинку. Впопыхах сделала пару затяжек ногтями, и вместо воззвания к Всевышнему у меня вырвались тихие проклятия. В ванной умылась, быстренько почистила губы, а волосы убрала в комель на затылке. Хорошо хоть в сумке нашлась заколка. А потом из спальни выбежала, держа сумку и туфли в руках. В коридоре огляделась, не сразу сообразив в какой стороне лестница.

Услышав мои быстрые шаги на лестнице, Антон вышел навстречу. Пил кофе, из одежды на нём были только шорты, и я при виде него, с последних трёх ступенек едва не свалилась. Но он на мои вытаращенные глаза никак не отреагировал, сам казался удивлённым моей торопливостью.

– Что, что случилось? – спросил он, разглядывая меня так, будто не видел меня вчера в этом же платье. – Почему ты бежишь?

Я спустилась, туфли на пол бросила, и постаралась их побыстрее надеть. Ноги как назло подворачиваться и в туфли влезать не желали.

– Я на работу опаздываю! У меня урок через сорок минут, а я здесь... В смысле, за городом.

Антон на часы посмотрел.

– Выдохни. Успеем. Сейчас я переоденусь, и отвезу.

Пользоваться его добротой было наглостью. Возможно. Но выбора всё равно не было, и поэтому я совету последовала и выдохнула, как он предлагал. А когда выдохнула, взгляд сам собой остановился на Антоне, который в этот момент, к счастью, спиной ко мне повернулся, и я смогла его поразглядывать, не боясь, что он рассмеётся над моим ошеломлённым выражением лица. Он и в костюме производил впечатление мужчины крупного, а увидев его в одних шортах, я оказалась под серьёзным впечатлением. Даже не знаю, чего тут больше – наследственности или регулярных физических нагрузок. Да ещё кожа... его бронзовая кожа, хотелось руку протянуть и коснуться, чтобы просто проверить – настоящий ли он.

– Выпей кофе, – предложил он тем временем. – Хотя, помнится, ты мне завтрак обещала.

– Какой завтрак, Антон? – Я опустилась на стул, старательно отводя от него глаза, а после такого резкого пробуждения, чувствовала себя усталой. А ещё целый рабочий день впереди. – Я, вообще, ничего не помню.

Он пил кофе, не спеша и никуда не торопясь, и это начало раздражать. У меня сердце колотилось, а у Антона, судя по всему, выходной!

– Ты хотел переодеться, – напомнила я.

Антон кивнул.

– Сейчас. – Я выразительно посмотрела, а он улыбнулся. – Успеем, не переживай. Ты выпалась?

– Выпалась. Я напилась вчера?

– Скорее, переволновалась. – Он сделал последний глоток, поставил пустой бокал на стол и сказал: – Я пойду, переоденусь, а ты выпей кофе. И съешь что-нибудь, Лера. В холодильнике был виноград и икра.

– Потрясающий выбор, – пробормотала я, всё-таки кинув ему вслед многозначительный взгляд. Как в кино иностранном, ей-богу. Я в доме на берегу моря (мы же о кино, не о действительности), проснулась в постели мужчины (это кино!), и он потрясающий темнокожий красавец. Эта история точно не про меня. Потому что я здесь оказалась после похорон отца, которого не знала, напилась, а проснулась лохматая, и вот-вот опоздаю на работу, за что точно получу втык. Но зато в холодильнике моего темнокожего красавца банка икры есть. Вместо икры я решила выпить кофе, он оказался тёплым, а не остывшим, но в данной ситуации меня это даже порадовало. Я выпила чашку залпом, надеясь, что кофеин подействует правильно, и я моментально взбодрюсь.

Антон на кухне появился как раз в тот момент, когда я делала последний глоток.

– Имя тебе сегодня – кофемашина, – со смешком проговорил он, а я лишь отмахнулась. И поторопила его, напомнив про урок, который должен был начаться уже через полчаса.

– Мы успеем? – волновалась я.

– Успеем, – заверил он, садясь на водительское место. – А если опоздаем, ученики тебя ещё больше любить будут. – Антон кинул на меня весёлый взгляд. – Знаешь, каких учителей больше всего дети любят?

– Добрых?

– Которые болеют часто. – Глаза вытаращил, встретив мой возмущённый взгляд. – Что? Это чистая правда. – Вдруг прищурился, глядя на меня, я даже заволновалась, коснулась своего лица.

– Что-то не так?

– С этой причёской ты выглядишь, как училка.

– Я и есть училка, Антон. Поехали, пожалуйста.

Он вздохнул.

– Какое трудовое рвение. Завидую твоему начальнику.

После этих слов я кинула на него подозрительный взгляд. Мне почудился намёк, но Антон на меня не смотрел, выезжал за ворота, и казался занятым. И я отвернулась, не понимая, что именно меня царапнуло в его тоне.

К школе он подвёз меня с шиком. Первая перемена, детей во дворе тьма, а тут дорожный автомобиль подъехал к самому крыльцу, из открытого окна звучит музыка, и естественно в нашу сторону повернулись головы всех учеников, находящихся поблизости. Да ещё я, не одетая с иголки, как бывало обычно, а во вчерашнем платье, с волосами, убранными наспех, выходящая из этого самого автомобиля. У меня даже щёки защипало.

– Спасибо, что подвёз, – сказала я, пряча от Антона глаза.

– Да не за что.

Он улыбался, и я была уверена, что смеётся надо мной, над моей реакцией. А когда я из машины вышла, уже успевшая для себя решить, что всё закончилось, осталось лишь гордо прошествовать мимо учеников, Антон тоже из машины вышел и меня окликнул. Я обернулась, а он широко улыбнулся.

– За тобой заехать?

Я головой покачала, не желая голос подавать. Антон же глаза закатил, я заметила.

– Ладно, позвони. И поешь, Лера, – попросил он меня, как ребёнка несмышленного. В машину сел, музыка стала громче, и ловко стал разворачиваться. А я зубы сжала, смирив раздражение. А когда направилась к дверям школы, на меня, конечно же, смотрели все.

– Доброе утро, – поздоровалась я с учениками, привычным строгим голосом.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Валерия Борисовна!

За спиной прозвучала пара девчачьих смешков, но я прошла мимо, сделав вид, что не услышала.

– Ты опаздываешь.

Я вздрогнула. Станислав Витальевич, кажется, караулил меня у дверей, и без сомнения видел, с каким шиком я прибыла на работу, к тому же опозданием. В школе я должна была быть не за пять минут до звонка на урок, а к восьми часам утра. Я стыдилась, прежде я никогда не опаздывала. Разве что в критических ситуациях, но что-то мне подсказывало, что ночёвку в доме малознакомого мужчины, Стас вряд ли сочтёт той самой ситуацией.

– Прости, – проговорила я негромко. – Вчера был трудный день, и я... проспала.

– Прospала?

Захотелось зажмуриться и язык себе откусить, но было поздно. Оставалось только повыше вздёрнуть нос, и не сбавлять шага, делая вид, что сильно спешу. Но я на самом деле спешила.

– Ты не ночевала дома?

Платье заметил. Я всё-таки становилась недалеко от учительской, по сторонам огляделась, детей вокруг не было, они шумели где-то дальше по коридору. Наконец посмотрела на Стаса, посмотрела и призналась:

– Не ночевала. Но это не то, что ты думаешь. Вчера... – Я ещё больше понизила голос, и получалось так, что я вроде бы жалуюсь ему. – Вчера, правда, был очень трудный день, я сильно переволновалась. В итоге, не ела, вечером выпила и уснула. – Осторожно коснулась своих волос. – Я ужасно выгляжу, да?

Стас чуть хмурился, приглядываясь ко мне, но, в конце концов, в его глазах вспыхнуло сочувствие, и он даже сделал попытку улыбнуться.

– Ты выглядишь хорошо. – Посмотрел на моё чёрное платье. – Не получилось переодеться?

– Нет. – Я, не скрываясь, вздохнула. – Пережить этот день, – проговорила я, криво улыбувшись.

– Переживёшь, – заверил меня Стас. Мимо нас прошёл учитель информатики, и мы дружно поздоровались, а выражения на лицах официальные-официальные. Информатик прошёл, и я выдохнула. А Станислав Витальевич неожиданно предложил: – Давай поужинаем сегодня? Или устала?

Я тут же плечи расправила, головой покачала.

– Не устала. Конечно, давай поужинаем.

Он улыбнулся, глаза за стёклами очков сверкнули.

– В нашем ресторанчике? – Я кивнула. – И ты мне всё расскажешь, – продолжил он с явным сочувствием. – Станет легче.

– Конечно, Стас. – Я посмотрела на часы. – А сейчас я пойду. Через две минуты звонок.

– Беги.

Я быстрым шагом направилась по коридору, не удержалась, и на Стаса обернулась. Он смотрел мне вслед. И чувство у меня такое, что лёд тронулся. Господи, хоть что-то хорошее за последние дни!

Но, не смотря на то, что лёд, по моим собственным словам, тронулся и Стас, наконец, решил сделать шаг, хоть в какую-то сторону, и как я понимаю, готов признать свою вину в нашей произошедшей недавно ссоре, думала я весь день об Антоне. Думала о вчерашнем вечере, о нашем разговоре, а вот мысли о нём самом старательно от себя гнала. Мало того, что они были нежелательны в общем и целом, так ещё и не к месту, я весь день была на глазах учеников. Один класс сменял другой, я озвучивала подготовленную программу, писала формулы на доске, и лишь однажды сбилась с мысли и даже зажмурилась на секунду, когда перед глазами

встал образ Антона в одних шортах этим утром. Стояла к классу спиной, и это меня спасло, потому что почувствовала предательский жар, который наверняка проступил на щеках алыми пятнами. А в голове всё крутилась и крутилась песня, под которую мы подъехали к школе, что-то про ненужное свидание, если я что-то соображаю во французском.

К счастью, вечер у меня был занят. И думая о предстоящем свидании, я отвлеклась от мыслей о похоронах, об отце, о неудачном знакомстве с сестрой и даже об Антоне не вспоминала. Да и некогда было. Домой приехала и первым делом ванну себе налила, в которой и провела блаженные полчаса, приходя в себя и смывая с себя все ненужные мне мысли и воспоминания. Только продолжала напевать под нос, и время от времени себя одёргивала. Стас обещал заехать в семь, и я не спеша выпила чаю, выбрала подходящее платье, макияж сделала, и к его приезду выглядела, если не отдохнувшей, то посвежевшей. И он остался доволен. Я вышла ему навстречу, и Станислав Витальевич улыбнулся.

– Румянец появился, – похвалил он меня. Стас тоже переоделся, сменил костюм на бледно-лиловую рубашку и светлые брюки.

Я кокетливо коснулась своих щёк и мило улыбнулась.

– Я старалась. – И тут же добавила, поддразнивая: – Румяна никогда не подводят.

– Не придумывай, это не румяна. – Он машину обошёл, подошёл ко мне и поцеловал. – Голодная?

– Если честно, то ужасно. Я со вчерашнего дня нормально не ела.

Стас меня за плечи обнял, увлекая к машине.

– Бедная моя...

– Голодная, – со смехом подсказала я.

– Да, голодная. Поехали, я заказал нам столик. – Он открыл мне дверь, я села в машину и вдохнула знакомый аромат хвойного освежителя. В машине Антона пахло его одеколоном, островато-цитрусовым, а не ёлочкой за двадцать рублей. Подумала об этом и разозлилась на себя. Почему я вообще о нём думаю? И от этой самой злости Стасу улыбнулась с большим воодушевлением, чем ощущала.

Небольшой итальянский ресторанчик, в котором мы любили бывать, нельзя было даже сравнить с «Золотым идиолом», не по кухне, не по респектабельности, но я его любила. Спокойное семейное заведение, зал на полтора десятка столиков, вино за приемлемые деньги, а не за те, что я успела увидеть в меню «Золотого идола». Мы заняли приготовленный для нас столик, одновременно улыбнулись знакомой официантке, и заказ сделали, не заглянув в меню. Оставшись со Стасом один на один, я удовлетворённо вздохнула. Правда, следующим вопросом Стас моё удовлетворение и спокойствие пошатнул.

– Кто это был?

– Когда?

– Вчера и сегодня. Кто тебя привёз утром?

– Ах, это... – Стас смотрел на меня спокойно, и я решила не создавать панику на пустом месте и говорить всю правду. Ну, или близко к правде. Как можно ближе. – Это Антон. Он... работал с моим отцом. Он сопровождал меня на похоронах, за что я ему очень благодарна. Не знаю, как бы я справилась с этим одна.

Только не спрашивай меня, у него ли я ночевала, не спрашивай!

Я очень деловито принялась расправлять салфетку на коленях.

– А он кто?

– В смысле?

Стас сделал неопределённый жест рукой.

– Он русский?

Я с облегчением улыбнулась.

– О да, ещё какой русский.

– Понятно. Но я, признаться, удивился, увидев его рядом с тобой. И ты с ним уехала. Я руку через стол протянула и коснулась его руки.

– Стас, я была не в себе в тот день.

– Я заметил. И я беспокоился о тебе.

Я улыбнулась.

– Мне приятно.

Он перевернул мою руку, провёл пальцем по открытой ладони.

– Расскажи мне про отца. Не помню, чтобы ты хоть что-то о нём рассказывала.

Я помолчала, с мыслями собиралась, хотя на самом деле, в этот момент решала, стоит ли со Стасом откровенничать. Я столько лет молчала, никому не признавалась, чья я дочь, давно к этому привыкла, и не имела особого желания что-либо менять, но это ведь Стас, и раз я сама жду от него поступков и искренности, то, наверное, мне следует поступать также, говорить ему всё без утайки. Я ведь жду от наших отношений большего? А что может быть больше и серьёзнее доверия?

Стас продолжал гладить мою ладонь, и я следила за его действиями. Потом сказала:

– Ты слышал про Бориса Давыдова?

Он моргнул, взгляд стал удивлённым, но Стас кивнул.

– Конечно... Ты его дочь? – Тон поистине удивлённый.

– Да, – призналась я. – Они с мамой развелись очень давно, я его почти не помню. Но он был моим отцом, и Антон... он буквально уговорил меня пойти на похороны. За что я ему благодарна, если честно. Если бы я не пошла, жалела бы об этом. Но я там никого не знала, у отца была другая семья, жена и дочь, и мне казалось неуместным там показаться, но я рада, что преодолела себя.

– Надо же... Ты никогда мне не говорила про него.

– Я никому не говорила, Стас. В нашей семье не принято о нём говорить. Мама считала его предателем. – Я сделала попытку улыбнуться, чтобы совсем уж не сгущать краски. – Но я решила, что прийти на похороны моя обязанность.

– Может быть, может быть. И что теперь?

– Что?

– Ты познакомилась с его семьёй.

Я едва заметно поморщилась. И призналась:

– Если честно, мне совсем не хочется об этом говорить. Ещё и сегодня вечером. Давай просто поужинаем?

Принесли салат, и я с воодушевлением отвлеклась на него. Но чувствовала взгляды Стаса, которые тот на меня кидал, ему на самом деле было любопытно. И чтобы как-то сбить его с мыслей о моём отце, я спросила:

– Ты всё ещё злишься на меня?

Он удивлённо распахнул глаза.

– За что?

Его недоумённый тон меня кольнул. Я с трудом сдержала вздох, ткнула вилкой в поджаренную креветку, а ответить постаралась нейтральным тоном.

– Мы поссорились, Стас. Ты уже забыл?

Он негромко кашлянул.

– Это было неделю назад, Лера. После столько всего случилось. Я не думал, что на фоне последних событий, ты захочешь ещё и об этом разговаривать.

– Надо же мне на что-то отвлечься?

– На нашу ссору?

Я плечом пожала. Креветки в тарелке кончились, и я отложила вилку.

– Я не хочу с тобой ругаться, Стас. Но иногда ты не оставляешь мне выбора. Я себя преступницей чувствую, целуюсь с тобой по углам.

Он неожиданно улыбнулся.

– Ну, по каким углам, Лера? Ни по каким углам мы не целуемся.

– Да, ты прав. Мы даже по углам не целуемся, только за закрытой дверью твоей или моей квартиры.

Он рот салфеткой вытер, пристроил одну руку на столе и на его запястье сверкнул циферблат часов, а вот пальцы нервно побарабанили по скатерти.

– Ты хочешь, чтобы о нас говорили?

– Стас, о нас и без того все говорят. Секрет Полишинеля.

– Возможно, ты права.

Он всегда соглашался, стараясь уйти от конфликта. Я незаметно сжала под столом руку в кулак. Возможно, я права! Это означало только одно: даже если я права, обсуждать это он не желает. Но вопреки моим мыслям и ожиданиям, Стас протянул ко мне руку. Я немного помедлила, но потом вложила свои пальцы в его ладонь, он их сжал, очень осторожно, чем снова растопил моё сердце. Это и было особенностью отношений со Стасом – порой он меня злил своей внешней неприступностью, но затем делал что-то, отчего я тут же оттаивала. Вот как сейчас.

– Лера, ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Вообще-то, я не знала, но говорить об этом вслух показалось мне признанием собственной слабости, и я лишь улыбнулась, скрывая за этой улыбкой настоящие чувства. А Стас продолжил:

– И ты, наверное, права, я перестраховываюсь. Но я обещаю тебе, что исправлюсь. Договорились?

– Что ты имеешь в виду под «исправлюсь»?

Стас слегка замялся, не сразу сумев подобрать верный ответ.

– Всё о чём мы с тобой говорим. Сейчас и... при нашей последней ссоре.

Руку я свою освободила.

– Теперь получается, что я тебя вынуждаю.

– Не вынуждаешь. – Он даже поморщился. – Что за слово ты подобрала?

– Вот какое на ум пришло, Стас.

Станислав Витальевич, кажется, тоже начал выходить из себя. В заметном раздражении взглянул на официантку, подоспевшую с главными блюдами, а когда девушка удалилась, приниматься на любимую пасту не спешил, меня взглядом побуравил.

– Я так понимаю, что твоё недовольство превысило критическую точку?

Это был опасный вопрос. Опасный, но весьма важный. Я, конечно, могла бы пойти на попятную, заверить Стаса, что всё в порядке и это просто нервы, но эти самые нервы и всё произошедшее за последние дни, и не давали мне отступить. Я хотела получить ответ здесь и сейчас, чтобы не было поздно. Как с отцом. Но смягчить свой тон всё же стоило.

– Это не недовольство, Стас. Если бы я испытывала недовольство, меня бы здесь не было. Это... желание получить от тебя что-то большее. А я вижу, что ты этого не особо хочешь. И меня это расстраивает.

– Лера, я же тебе объяснял, – начал он устало, но я его опередила.

– Объяснял, – согласилась я. – И про жену, и про развод, но, Стас, прошло несколько месяцев, а сколько пройдёт ещё? Год? Тогда скажи мне об этом. Чтобы я знала, чего ждать и сколько. – Мой обвиняющий тон мне самой не нравился, и я расстроилась. – Или скажи, что ждать не надо, и надежд питать не надо, и тогда... я приму решение.

– Какое решение?

Я отвернулась от него, плечами пожала, не желая уточнять. Стас выразительно прищурился, глядя на меня, даже очки снял. Стало понятно, что вечер я испортила, но стыдно мне совсем не было, вот ни капельки. А затем у меня ещё и телефон зазвонил, и я принялась искать его в сумочке, уверенная, что это мама. Вчера вечером мы с ней по телефону поговорили всего лишь пару минут, а сегодня она ещё не звонила. Но это оказалась не мама, звонившим оказался Антон, что меня удивило, а уж его тон и сам вопрос, повергли, если не в шок, то в искреннее удивление.

– Ты где? – спросил он, и недоумение в его голосе прозвучало вполне искренне. Я посмотрела на Стаса, поняла, что говорить с Антоном под его взглядом не смогу, и проговорив одними губами: «Извини», и из-за стола поднялась.

– Что за вопрос, Антон?

– Нормальный. Я приехал, а тебя нет.

Чужому нахальству можно было только подивиться.

– Куда ты приехал?

– К тебе домой.

– Зачем? – По-моему, вполне логичный вопрос.

– Ужин привёз. – И тут же возмутился. – Так, не заговаривай мне зубы. Где ты?

Я не удержалась и хохотнула.

– Антон, а тебе не приходило в голову, что меня дома может не быть? Что у меня... вечер занят?

Он помолчал, затем усмехнулся, я услышала характерное хмыканье.

– У тебя свидание?

– Не твоё дело.

– Точно, свидание. С тем очкариком?

– Антон. – Я не на шутку разозлилась. – Поезжай домой.

– Девять вечера. Какое домой?

– Тогда поезжай, куда хочешь!

– Что-то ты больно разгневанная. Он тебя не радует?

– Я вешаю трубку, – предупредила я, но угрозу так и не выполнила почему-то.

А Антон издал тяжкий вздох.

– Ладно, ладно. У тебя свидание, а я стою у тебя под дверью с пакетом еды и чувствую себя идиотом.

Я вдруг поняла, что улыбаюсь.

– Только сейчас чувствуешь? Странно.

– Какая ты злая женщина, Валерия.

Я услышала, как хлопнула дверь, судя по всему, подъездная, и удивилась. Оказывается, я до конца не верила, что он на самом деле у меня под дверью стоит. Как неудачливый поклонник. И следующий вопрос у меня помимо воли вырвался.

– Антон, зачем ты приезжал?

Повисла короткая пауза, после чего он сказал, точнее, пообещал:

– Я тебе потом расскажу. – И отключился, забыв попрощаться.

За стол я вернулась немного смущённая, и незамеченным это не осталось. Стас встретил меня пронизательным взглядом, а затем и губы поджал, видимо, вынеся какое-то решение. Я ненавидела, когда он так делал, особенно, когда причиной являлась я.

– Кто звонил?

Я скрывать не стала.

– Антон.

– Что такое? Он соскучился?

– Стас, пожалуйста.

– Что? И заметь, я не спрашиваю, с ним ли ты провела эту ночь.

– Не спрашиваешь, но откровенно намекаешь.

– Я не прав?

Есть я расхотела. Смяла в руках льняную салфетку, а взглядом упёрлась в тарелку с идеальными ravioli. Понимала, что не знаю, что Стасу сказать. Точнее, хочу ли.

– Ты же всё равно не поверишь ничему из того, что я скажу.

Он вдруг вздохнул.

– Поверю, Лера. Вопрос в том, хочешь ли ты говорить.

В общем, вечер закончился ужасно. Никакого открыто проявляемого сочувствия, объятий и поцелуев, что мне были так необходимы, чтобы восстановить душевные силы, и вообще, ни тени понимания на лице любимого мужчины. Он заиклился на имени Антона, я даже в какой-то момент заподозрила Стаса в том, что он своей надуманной ревностью хочет уйти от неприятного от себя разговора об ответственности. И, в итоге, на обратном пути мы вновь поспорили, и машину его я покинула, громко хлопнув дверью. А ведь весь день мечтала о том, что мы проведём вместе ночь, и я почувствую облегчение и долгожданную лёгкость. Но нет.

– Пошли его куда подальше, – страшным шёпотом посоветовала мне Лена, когда утром нас всех собрали в кабинете директора на экстренную планёрку. Перед планёркой я успела поделиться с ней новостями, и она, конечно же, встала на мою сторону. И теперь сверлила Станислава Витальевича негодующим взглядом. Но тот озвучивал последние приказы, пришедшие из министерства образования, и никаких взглядов не замечал. Надо сказать, что он и меня сегодня взглядом едва удостоил. Обиделся. А Ленка обиделась за меня и выдала мне этот совет на ухо, но мне показалось, что ужасно громко, и я поспешила уткнуться взглядом в свой блокнот для записи, притворяясь занятой и внимательной. А ответ ей дала, когда планёрка закончилась, и мы вышли в коридор.

– Боюсь, не придётся посылать. Он и сам сбежит. Точнее, уже.

– Ну и чёрт с ним, Лера. Терпеть не могу нерешительных мужиков. Настоящий мужчина должен появиться, схватить тебя в охапку, а твоего согласия только в загсе спросить, и то, только после поцелуя, пока ты ещё ничего не соображаешь.

Я от души посмеялась.

– А такие ещё существуют?

– Не знаю, не встречала.

– Вот именно.

Придя к столь неутешительному выводу, мы разошлись с ней по классам, но я уверена, что Ленка, как и я, долго ещё размышляла о вселенской несправедливости.

А мои мысли плавно перешли с решительных и готовых жениться несуществующих особей мужского пола на тех, кого было на порядок больше – нахальных, я бы даже сказала наглых. Как Антон. А ещё эгоистов, как Станислав Витальевич. И чувство у меня такое, что эти двое, сами того не подозревая, соревнуются друг с другом, кто скорее меня из терпения выведет.

Вот, например, Антон. Появился перед последним уроком, как ни в чём не бывало, на перемене вошёл в класс, и сразил всех своей улыбкой. По крайней мере, девчонки-десятиклассницы замерли все, как одна, не сводя с него глаз. А я лишь с бóльшим нажимом продолжила стирать с доски уже ненужные формулы, делая вид, что его не замечаю. А он мало того, что улыбкой всех ослепил, так ещё и поздоровался громогласно:

– Здравствуйте, дети! – не оставляя тем самым девчонкам ни одного шанса. Ко мне подошёл и негромко признался: – Всегда мечтал это сказать.

Я взяла мел, методичку и принялась выписывать на доску уравнения для самостоятельной работы. На Антона смотрела украдкой. Усмехнулась после его слов.

– Завёл бы своих парочку, и говорил бы каждый день.

– Мне ещё рано, – ответил он, затем с мыслями собрался и поторопился исправиться, хотя я не совсем поняла для чего: – Но я об этом всерьёз думаю.

– Рада за тебя, – фыркнула я, нисколько не поверив. – Зачем приехал? Я работаю.

Он на класс обернулся, затем отступил на шаг и присел на край моего стола, руки на груди сложил.

– Решил не ждать вечера. Ты у нас, как выяснилось, нарасхват.

– Тебя это удивляет?

– Нет, нисколько. Я просто решил поторопиться и опередить соперника.

Я обернулась на него.

– Какого соперника, Антон?

– Ну, того, в очках. Кто он, директор?

Я тут же шикнула на него.

– Тише ты!

Он смешно вытарашил на меня глаза.

– Что, это секрет? – И тут же ахнул, за что мне его убить захотелось. – Тайная страсть?

– Сейчас стукну тебя учебником.

– В школе я бил учебником по голове девочек, которые мне нравились. Я тебе нравлюсь?

– Нет, ты идиот.

– Этот вывод ни на чём не основан, Лера. – Он откровенно смеялся надо мной.

А я со стола его погнала.

– Ты подаёшь детям дурной пример.

Антон снова на класс обернулся.

– Да какие они дети? Вон лбы какие.

– Тише! Так зачем ты приехал?

Со стола он поднялся, но опёрся на него, и футболка на широкой груди красиво натянулась. Я намеренно отвернулась, хотя Антон пытался старательно перехватить мой взгляд.

– Ты всё ещё не дала мне ответ.

– У меня его нет.

– Врёшь.

Я возмущенно посмотрела, но Антон на моё возмущение никак не отреагировал. Вместо этого спросил:

– Когда ты заканчиваешь?

– Последний урок.

– Я съезжу по делам, вернусь через час, и мы с тобой пообедаем. Идёт?

– Ты всё время меня кормишь.

– Я о тебе забочусь. Чем ты питаешься в этой школе?

– Тем же, что и дети.

– Вот-вот. Так мы договорились?

Я, наконец, посмотрела ему в глаза.

– Ты ведь не оставишь меня в покое?

– Нет.

– Тогда договорились.

Он улыбнулся.

– Немного настойчивости, и ты становишься весьма податливой. Это интригует.

Я отлично уловила неприличный намёк в его голосе, и покраснела. Разозлилась на себя за это, но что могла сделать? Предательский румянец проступил. Антон усмехнулся, а я его укорила:

– Это же школа, Антон.

– Меня никто не слышал. – Он убрал с лица улыбку. – Но ты краснеешь, и люди понимают, что причина тому я.

– Уходи.

– Ухожу. Я позвоню, как подъеду. – Подмигнул мне, направился к двери и оттуда попрощался. – До свидания, дети. Валерию Борисовну не доводить. Я проверю.

Послышались смешки, а когда за Антоном закрылась дверь, и прозвенел звонок на урок, девичий голосок поинтересовался:

– Валерия Борисовна, а это он вас вчера на работу подвозил?

– А он кто?

– Жених, бойфренд?

Вопросы посыпались, как горох, я смущённо кашлянула, после чего строго попросила:

– Давайте закончим разговор не по теме. Посмотрите на доску и послушайте меня. Второй раз повторять не буду.

Зато после урока меня Лена Мамонтова в учительской остановила, а взглянула с намёком.

– Рассказывай.

– И ты туда же, – вздохнула я.

– Куда туда же, Лера? Такой экземпляр... невиданный. И к тебе зачастил!

– Лен, это совсем не то, что ты думаешь.

– Ты понятия не имеешь, что я думаю.

– Боюсь, что имею. Но это семейные дела и не более того. Да и вообще, нужно быть безумной, чтобы с Антоном связаться.

Лена грустила, но со мной, в итоге, согласилась.

– Ты права. Он по коридору идёт, а вокруг него женщины штабелями укладываются. От двенадцати до шестидесяти.

– Вот-вот.

Но Лена всё-таки заинтересовалась.

– А кто он, вообще, такой?

А я, после секундного размышления, сказала:

– Он хозяин «Чёртового колеса».

Ленка глаза на меня вытаращила.

– Да ты что?! Хотя, знаешь, ему это очень подходит. Настоящий дьявол-искуситель.

С этим я согласилась.

Как мы и договорились, Антон позвонил, и я спустилась к нему. У меня в руках тяжёлая сумка с тетрадами на проверку, а он на незнакомой машине, новенькой и сияющей.

– У тебя целый автопарк, – сказала я ему, передавая сумку.

– У меня всего две машины, но иногда я обкатываю новые модели, прежде чем выставить их на продажу.

Я ничего не сказала, села в автомобиль и осмотрела салон. А Антон, устроившись на водительском месте, вдруг сказал:

– Надо купить тебе машину.

Я лишь усмехнулась, причём невесело.

– С моей зарплатой только машины и покупать. – Потом поняла, на что он намекает, и сконфуженно примолкла.

– Чем займёшься вечером? – спросил он через пару минут. Загадочно сверкнул на меня глазами. – Опять свидание?

– Нет, – ответила я сдержанно. – Тетради буду проверять.

– О-о. Это надолго?

– А что?

– Я хотел тебя в «Колесо» пригласить.

– Антон, два дня назад похороны были.

Его это замечание несколько не смутило.

– Жизнь продолжается, Снежинка. Да и я не предлагаю тебе веселиться. Так сказать, в ознакомительных целях. Ты же не была.

– Не была.

– Поедем? – Он кинул на меня вопрошающий взгляд.

Я сомневалась.

– Может, завтра? Завтра пятница.

– Отлично, – не стал он спорить. – Завтра, так завтра.

– Ты как-то странно воодушевился, – не могла не отметить я.

Антон голову на бок склонил, будто всерьёз задумался, после чего кивнул.

– Может быть.

– Что-то задумал?

Он моргнул, то ли растерявшись от моего вопроса, то ли возмущившись из-за него же.

– Ничего я не задумал. Дело совсем в другом.

– В чём?

– Просто, если ты свободна в пятницу вечером, значит, твоё вчерашнее свидание прошло не слишком гладко.

– И ты этому рад?

– А почему я не могу этому радоваться? – Мы как раз остановились на светофоре, и Антон тут же повернулся ко мне. Я под его взглядом слегка занервничала и глаза отвела, но Антона так просто с намеченной цели не собьёшь. Он меня, не скрываясь, разглядывал, затем нахально добавил: – Может, ты мне нравишься.

Особенно, меня впечатлило «может».

– Что ты молчишь, Лера?

– А что я, по-твоему, должна сказать?

Он посверлил меня взглядом, после чего ворчливо проговорил, разворачиваясь обратно к рулю:

– Хотя бы, спасибо.

– Оно тебе нужно?

– Судя по твоему тону, ты мне не веришь.

– Ну почему же? Но думаю, в твоём окружении очень много женщин, которые тебе нравятся, Антон. И не просто нравятся.

– Ты считаешь меня бабником? – Он казался не на шутку оскорблённым, до глубины души, но я в его обиду верить не спешила. И странно, даже разговором этим смущена не была.

– Для таких выводов я слишком мало тебя знаю, Антон. Но уверена, что у тебя достаточно широкий выбор... м-м, дам сердца.

Он кинул на меня подозрительный взгляд.

– Ё-моё, Лера, откуда ты всего этого набралась?

Вот на этом моменте я внутренне подобралась.

– Чего именно?

– Всех этих словечек, выражений, а главное мыслей? Дамы сердца, широкий выбор.

– Ты бы предпочёл, чтобы я всё называла своими именами?

– Вообще-то, да. Но сейчас уже не уверен, что тебе воспитание позволит.

– Как и повестись на твоё «нравишься», – решила сообщить я ему.

А он, кажется, обиделся немного, потому что буркнул:

– Ладно, посмотрим.

Я хотела спросить, на что именно он смотреть собрался, но в последний момент язык прикусила. Иначе этой перепалке с подтекстом, конца-края не будет.

Мы вновь приехали в «Золотой идол». С Антоном снова здоровались, а я держалась за его руку. То есть, это он меня за руку держал, а я не смела спорить, если честно, немного побаивалась всех этих людей и их внимательных взглядов. А Антону в какой-то момент пришло в голову меня представить, и мне пришлось навесить на лицо улыбку, знакомиться и даже выслушивать сочувственные речи.

– У моего отца было много знакомых, – в конце концов, заметила я.

– Полгорода, – отозвался Антон. – Так что, не удивляйся.

Мы сели за столик, Антон сам мне стул придвинул, а я на короткое мгновение ощутила прикосновение его пальцев к своей спине. Заподозрила его в умысле, в лицо Антону заглянула, но он казался задумавшимся. А когда сам за стол сел, сказал:

– Завтра надо будет сходить к нотариусу, заявление на вступление в наследство подать.

– Антон...

– Не спорь, пожалуйста. Если ты собираешься сомневаться дальше – ради бога, сомневайся, у тебя полгода впереди. Но заявление ты напишешь.

Как там Ленка сегодня говорила? Решительный и настойчивый? Что-то мне это уже понравилось.

А Антон ещё и продолжил:

– Или ты собираешься подарить свою долю Марине? Боюсь, она тебе даже «спасибо» сказать забудет.

– Я не представляю, что я буду делать с этим наследством.

– Это ты сейчас так говоришь, а потом всё само собой решится. Компания работает, Лера, ею управляют профессионалы. Тебе надо лишь пожинать плоды, тратить деньги и иногда подписывать то, что я буду тебе давать.

– Ты сам всем занимаешься?

– Я контролирую процесс. Заниматься всем я физически не могу.

Я тихо поблагодарила официанта, когда он тарелку передо мной поставил, и бросила взгляд исподлобья на Антона.

– Ты встречался с Мариной Леонидовной после похорон?

– Вчера.

– И что?

– Что именно тебя интересует?

– Она говорила что-то про меня?

С ответом он помедлил, но, в конце концов, кивнул.

– Говорила.

После того, как он замолчал, отделавшись коротким утверждением, я голову опустила. Антон заметил и позвал:

– Лера.

Я помедлила, прежде чем посмотреть на него.

– Тебе не надо о ней думать. Ты ей ничего не должна. И чужого ты не забираешь. – Антон вдруг отложил столовые приборы, салфетку с колен снял, а сам пересел на соседний со мной стул. Это было странно, шептаться посреди ресторанного зала, а он ещё и за плечи меня обнял, склонил голову ко мне. – Давай с тобой договоримся, что ты не будешь из-за этого переживать. Я всё сделаю сам.

– Тебе это так сильно нужно?

Он немного отстранился, вглядывался в мой профиль, потом волосы мне за ухо заправил. Неожиданный жест, от которого я замерла.

– Это тебе нужно, Снежинка. И ты это поймёшь. Просто сейчас мне доверься, хорошо? А теперь ешь. Я видеть не могу, как ты салат вилкой ворошишь.

Я плечом в возмущении дёрнула, а Антон рассмеялся.

5

– Тебе понравится, – убеждал меня Антон, когда следующим вечером мы отправились в «Колесо». Я не совсем понимала, зачем нам ехать туда вечером, в самый разгар веселья, раз я лишь осмотреться собираюсь, по выражению самого Антона, но он был непреклонен. Хотя, это неправильное слово, скорее он был обескуражен моими сомнениями. – Когда, если не вечером в «Колесо» приезжать? – И следом меня припугнул: – Ты с ума сойдёшь, Лера. – И как-то чересчур привычно за плечи меня приобнял. Всё-таки в некоторых моментах Антон был чересчур свободным человеком, его порывы мало, что сдерживало, особенно, когда он целенаправленно переставал свои желания контролировать. А он переставал, и делал это намеренно, это даже я, после недельного знакомства, понимала и замечала. Поэтому, в который уже раз аккуратно повела плечами, стараясь от его руки избавиться. Она была тяжёлой, горячеей, и меня смущала.

Но в «Колесо» я с ним отправилась. Ушла с работы, проигнорировав просьбу Станислава Витальевича задержаться, знала, что говорить мы будем не о работе, и поэтому не засомневалась ни на минуту, направляясь к автобусной остановке и не опасаясь его гнева в понедельник. Пусть только попробует что-нибудь сказать, тогда я и поведаю ему, где и с кем провела вечер пятницы. Я очень живо представляла себе разговор со Стасом, куда более ясно, чем предстоящий вечер. А оказавшись дома, столкнулась с ещё одной проблемой – совершенно не знала, что надеть. Ни одного наряда, кроме, наверное, банальных джинсов, для ночного клуба у меня не было. По этим самым клубам, да и вообще вечеринкам, я не ходила, и необходимости в коротких соблазнительных платьях и провокационных кофточках, не испытывала. А отправиться в «Чёртовое колесо», под руку с Антоном, в строгом учительском платье, было бы весьма странно. Так и пришлось остановить выбор на новеньких джинсах, а вот с верхом возникли некоторые проблемы, я пересмотрела все свои наряды, и в итоге, решила надеть шифоновую блузку со свободным вырезом. Обычно я надевала ее под пиджак костюма, но сегодня... Сегодня я буду чувствовать себя полуголой. Я провела перед зеркалом достаточно много времени, но не столько занималась причёской и макияжем, как критическим взглядом приглядывалась к своей груди, пытаясь решить, насколько блузка просвечивает. Может, шарфик повязать? Антона точно посмешу.

Но вопреки моим ожиданиям, Антон с порога не ахнул и на мою грудь не уставился, чего я опасалась, совершенно спокойным взглядом меня обозрел и уже после широко улыбнулся. А затем протянул мне букет цветов. Я, наверное, неприлично удивлённо и жадно уставилась на охапку мелких разноцветных розочек, после чего спросила:

– Зачем?

От этого вопроса Антон, кажется, растерялся. Тоже на цветы посмотрел.

– Просто так. – И пояснил на всякий случай: – Цветы.

– Я вижу, что цветы.

– И что именно тебя в них смущает?

– Не в них... – Проговорила я, а на Антона глянула в сомнениях. Тот выразительно закатил глаза.

– Не настолько я подозрительный тип. Уверю тебя. Ты готова?

– Наверное. У меня не слишком большой выбор одежды для посещения ночных клубов.

Антон присмотрелся ко мне, окинул изучающим взглядом, после чего решил со мной согласиться.

– Вижу, но мы это исправим.

Я поставила цветы в вазу, не удержалась, наклонилась, чтобы вдохнуть сладковатый аромат, и после этого на Антона через плечо оглянулась.

– Что ты собрался исправлять?

Он руками развёл.

– Лера, тебе нужен новый гардероб. В свете открывшихся обстоятельств.

– Эти обстоятельства временны.

– Не думаю. Но сейчас не время это обсуждать. Поехали?

И мы поехали. Я отчего-то нервничала, а Антон продолжал улыбаться, раздавать советы и обещания, отчего я нервничала ещё больше. Но я его не останавливала, рот ему не затыкала, наоборот, слушала очень внимательно, пытаюсь понять, к чему он ведёт. Не этот вечер, а всю игру в целом.

«Колесо» с первого взгляда завораживало огнями и масштабом. Огороженная территория казалась островом, запретным и недоступным. Снаружи, за высоким забором даже жизни не осталось. И если раньше неподалёку от гостиничного комплекса располагались несколько деревенок, жители которых преимущественно в комплексе и работали, то с возникновением на фоне советской гостиницы роскошного ночного клуба, надобность в таких работниках отпала, и сельские домики вокруг начали скупать предприниматели, под мини-отели, торговые площади и магазины. Вот и получилось, что «Чёртово колесо» превратилось едва ли не в отдельный населённый пункт, со своими законами и сводами правил. Немудрено, что жители нашего города, давно окрестили этот район пропащим и проклятым. Жить здесь никто не живёт, сплошная тусовка и непотребщина. Все знали, что в последние пару лет здесь появляется всё больше и больше москвичей, да и наша «золотая молодёжь» предпочитает отдыхать именно здесь. В комфорте, купаясь и загорая у многочисленных бассейнов с чистой водой, играя в теннис на идеальных кортах, и катаясь на яхтах и водных мотоциклах по Волге. Благоустроенные номера, рестораны с отличной кухней разных стран, личный кинотеатр, а вечерами, точнее, ночами, самые громкие вечеринки региона. Отбоя от посетителей и приезжих не было. В городе об этом говорилось с негодованием, но вряд ли кто-нибудь решился бы предпринять попытку «Чёртово колесо» закрыть, все понимали, что они платят в казну колоссальные налоги, другой такой источник город просто не найдёт.

Но я, глядя на огни и броские афиши, думала не о доходах и прибыли, и даже не обо всех тех ужасных слухах, что доходили до горожан из-за высоких стен «Колеса», а об отце, который, как мне стало известно, обожал это заведение. По признанию того же Антона, в последние годы мой отец едва ли не жил здесь, развлекаясь и кутя, что, в конечном итоге, его и сгубило, сердце шумных и частых развлечений не снесло. Хотя, признаться, я не совсем понимала, что Антон имел в виду под «развлечениями», не отплясывал же отец на танцполе ночами. Не понимала и в то же время побаивалась об этом всерьёз размышлять, новых подробностей его личной жизни опасалась.

Мы въехали на территорию развлекательного комплекса, я беспрестанно оглядывалась, взгляд сам собой остановился на детских аттракционах неподалёку, и я для себя отметила, что это как-то не вяжется со злачным местом. Ровные газоны, цветочные клумбы в изобилии, тут и там статуи из белого мрамора. Всё это в подсветке и сияет, казалось, что даже разноцветные петунии мерцают, как огоньки, переливаясь, словно перламутровые. Мы подъехали по широкой дорожке к самому крыльцу гостиницы, я не удержалась и выглянула из окошка, чтобы взглянуть наверх, на верхние этажи высотного здания. Правда, здание было не таким уж и высотным, всего девять этажей, но выглядело весьма солидно, отреставрированное и облагороженное, ничего в фасаде о советских временах не напоминало. Крыльцо всё в огнях, манило и сияло, вокруг люди, кто-то курил на просторном крыльце, кто-то прогуливался неподалёку, за нами следом подъехали ещё две машины, в общем, отдыхающих было в избытке, да и не выглядели эти люди прожжёнными охотниками за удовольствиями, о которых я была наслышана. А выйдя из машины, я тут же почувствовала свежий ветерок и запах реки, Волга была рядом. Оказавшись вне автомобиля, я даже крики людей на реке расслышала. Купаться,

на мой взгляд, было рановато, а вот покататься на водных мотоциклах, по всей видимости, самое то.

– Территорию я тебе позже покажу, – сказал Антон, отдавая ключи от машины молодому пареньку в форменной одежде. – А сейчас пойдём в отель. – Остановился в паре шагов, не торопя меня, не мешая оглядываться, но когда я к нему шагнула, руку протянул.

– Добрый вечер, Антон Александрович, – дружным хором поприветствовали его охранники на входе. Антон в ответ кивнул и поинтересовался:

– Всё в порядке? – А дождавшись утвердительного ответа, никак на него не отреагировал, зато меня к охранникам лицом развернул и со всей серьёзностью представил: – Валерия Борисовна Давыдова. – И добавил: – Глаз не спускать.

– Замечательное начало, – проговорила я, когда мы вошли в холл гостиницы. Я осматривалась, но возмутиться не забыла. – Кроме меня так, наверное, только вора-рецидивиста охране бы представили.

Антон усмехнулся.

– Я не считаю тебя вором-рецидивистом.

– Очень на это надеюсь.

Он кинул на меня особенный взгляд.

– Наоборот, переживаю, как бы тебя не украли.

Он произнёс это с намёком, но за ним я всё равно расслышала насмешку. Поэтому Антону достался возмущённый взгляд, но я предпочла тему сменить, не желая подпитывать и без того раздутое самомнение моего спутника.

– Каков масштаб? – спросила я несколько непонятно, но Антон отреагировал мгновенно.

– Почти две тысячи постояльцев одновременно.

– Ого.

– Да. Помимо самой гостиницы ещё линия коттеджей на самом берегу, только в прошлом году достроили. Пользуются популярностью, там потише и поуютнее.

Мы прошли мимо просторного ресепшена, и я заметила, как девушки за стойкой проводили нас заинтересованными взглядами. Сам холл был выполнен в бронзово-золотой атмосфере, от мраморного пола отражались золотистые блики хрустальных люстр, а мягкая мебель в молочно-бежевых тонах так и манила тебя присесть. По кругу были расставлены кадки с фикусами и цветущими орхидеями. К цветам я присмотрелась внимательнее, заподозрив подделку, но нет, все цветы были живыми, никакого надувательства. В холле тоже покоя не было, на диванах и за низкими столиками сидели люди, кто-то просто пил кофе и разговаривал, кто-то работал, пристроив перед собой ноутбук, и отовсюду слышался гул людских голосов и смех, я на это обратила внимание ещё когда из машины только вышла. Тишины в «Чёртовом колесе» не было, развлекательный комплекс гудел, как улей. Подобное я только в переполненных в сезоны турецких или египетских отелях наблюдала, а оказывается у нас такое тоже возможно.

– Антон! – кто-то приветственно махнул Антону рукой и тот ответил тем же, правда, не остановился, провёл меня за руку дальше.

– Куда ты меня ведёшь?

– Столик у нас на девять, а пока давай поднимемся в кабинет твоего отца.

Я спорить не стала, напротив, заинтересовалась, вошла за ним в кабину лифта, стала смотреть через стеклянную дверь вниз, в холл. Потом и саму кабину осмотрела. С каждой минутой пребывания здесь, я всё больше понимала стремление Антона удержать свои позиции.

– Сколько денег вы вложили во всё это, – то ли поразила, то ли задала я вопрос. Но если это и прозвучало вопросом, то риторическим.

А Антон ответил коротко и просто:

– Миллионы. – И что-то такое мне слышалось в его голосе, не горделивое, не хвalebное, словно это был груз от пройденного и свершённого, и я взглянула на него с любопытством, но он стоял, как скала, прямой и отчуждённый, но спустя секунду спохватился, встряхнулся, а когда мы вышли на третьем этаже, даже рассказывать принялся.

– Это была моя идея изначально. Я купил гостиничный комплекс «Советский», он к тому моменту окончательно пришёл в упадок, разваливался в буквальном смысле, сплошные убытки, и чтобы эти самые убытки хоть как-то покрыть, город решил его продать на торгах. Не скажу, что было много желающих развалюху купить, поэтому и себя умным и проворным назвать не могу. Сейчас я назвал бы это глупостью, но я его купил, и уже после понял, что на кредитах далеко не уеду. Одни брал, другие отдавал, и на реставрацию денег не оставалось, как город крутился – лишь бы всё не рухнуло, так и я. При этом я чётко знал, что хочу здесь видеть, и когда судьба нас с Борей свела, идею ему свою поведал. Он сразу загорелся, он настолько нуждался в райском уголке для себя, что не сомневался вообще. Я передал ему права на половину комплекса, и мы начали воплощать задуманное. Понадобилось пять лет.

Мы прошли по узкому коридору, застеленному ковровой дорожкой, и остановились перед двухстворчатыми дубовыми дверями. Я воспользовалась моментом и взглянула Антону в лицо.

– Всё так, как ты мечтал?

Вот тут он улыбнулся.

– Даже круче. К нам едут со всего Центрального региона, Лера. И людям нравится. Разве это не главное?

– Не знаю, – честно призналась я.

Он распахнул передо мной двери, я вошла и поняла, что это не совсем то, чего я ожидала. На рабочий кабинет это совсем не было похоже, скорее уж обжитой, но всё-таки гостиничный номер-люкс. Просторная гостиная, мягкая мебель, пушистый ковёр на полу. Стены увешаны картинами, а на полке над искусственным камином семейные фото в рамках. И только напротив окна с тяжёлыми парчовыми шторами, массивный дубовый стол с настольной лампой, телефонами и компьютером. Всё аккуратно разложено, и только посередине стола дорогая шариковая ручка с золотым колпачком и... связка ключей с брелком от машины. При виде неё, у меня внутри похолодело, признаюсь честно. Будто хозяин лишь вышел отсюда ненадолго и вот-вот вернётся. Я поторопилась отвернуться. Смотрела на картины, заглянула в распахнутую дверь, что вела в спальню с идеально заправленной двуспальной кроватью на столбиках, потом подошла к камину, чтобы взглянуть на фотографии. Ни одной новой: свадебная, уже успевшая потускнеть, где отец ещё молодой и подтянутый, таким я его почти не помнила; на другой Алиса, совсем ребёнок, девочка лет пяти, с букетом ромашек в руках; и на третьей она же, но уже повзрослевшая, в платье в пол, видимо, на школьном выпускном. Я дотронулась до одного из снимков, зачем-то передвинула, а потом резко отвернулась.

– Он здесь жил?

– Последние полтора года практически постоянно. С Мариной они не ладили.

– Ничего удивительного, – негромко проговорила я.

Антон услышал и переспросил:

– Почему?

– А какой жене понравится, что муж обустроил себе гнёздышко в таком месте, как «Чёртово колесо»? И ты сам мне говорил, что у него была любовница из здешних.

Антон хмыкнул.

– Ты сочувствуешь Марине.

– А почему я не могу ей сочувствовать чисто по-женски? Измены мужа никого не могут сделать счастливыми.

На это Антон отвечать не стал, по гостинной прошёл, но я понимала, что он продолжает за мной наблюдать. Я же окну отошла, отвела рукой штору и выглянула наружу, из окна был шикарный вид на Волгу и пристань «Колеса», с его яхтами, катерами и цветным куполом-навесом. И совсем не ожидала от Антона следующих слов.

– Это теперь твой номер. Можешь, здесь всё переделать.

Я обернулась, взглянула непонимающе.

– Зачем он мне?

– Ты не хочешь?

– Ты думаешь, я стану часто здесь бывать?

– А вдруг?

– Вряд ли. К тому же, ты сам говорил, что хочешь купить мою долю.

– Это неважно. У тебя должен быть свой номер.

– Этот?

– Ты чувствуешь себя неловко здесь? Лера, мы всё перделаем.

Я обвела взглядом гостиную, взгляд поневоле остановился на письменном столе, на связке ключей, и я головой покачала.

– Я бы предпочла, чтобы всё осталось, как есть. По крайней мере, на какое-то время.

Антон проследил мой взгляд, затем кивнул, соглашаясь.

– Хорошо.

А когда мы спускались на лифте в ресторан, он спросил:

– Ты расстроилась?

Я тут же покачала головой.

– Нет. Меня больше удивляют детали его жизни, чем расстраивают. Просто эти ключи на столе... Это он их оставил?

– Он. Я запретил горничным что-либо трогать. – Я всё-таки вздохнула, а Антон неожиданно меня обнял. И умиротворяюще проговорил: – Ладно, не грусти.

Наверное, он ждал, что я прильну к нему, в попытке излить на его широкое сильное плечо свою печаль, он даже по спине меня погладил, тем самым привлекая к себе ещё ближе. А я вместо этого насторожилась и напряглась, но Антон то ли не захотел этого понять, а может и вовсе не заметил, потому что в этот момент лифт остановился на первом этаже, двери открылись, и мы предстали перед людьми именно так – в обнимку. Антон скроил умильную физиономию, отстранил меня от себя и взял за руку, а потом ещё и поздоровался с кем-то. Мне же оставалось лишь степенно выдохнуть, сдерживая возмущение. Но когда возможность представилась, я всё же спросила:

– Что ты творишь?

– Что ты имеешь в виду?

Невинный взгляд, непонимающая улыбка. Он был жутким притворой. Поэтому я сочла ниже своего достоинства что-то ему отвечать, отвернулась и первой вошла в зал ресторана. И споткнулась на пороге, оценив количество публики, и вспомнив про свои скромные джинсы, на фоне дорогих нарядов ужинающих посетителей. Антон тут же уловил моё замешательство и не преминул ухватить меня за локоть.

– Мы ужинаем в кабинете, пойдём.

«Пойдём» это не то слово, каким стоит описать наше шествие через зал, когда Антон останавливался то у одного столика, то у другого, играя в радушного хозяина. Однажды женский голос с любопытством поинтересовался у него:

– Это она?

И Антон сознался, что это всё-таки я, и мне снова пришлось протягивать руку для знакомства, причём спутнику женщины, а не ей самой, и выслушивать слова сочувствия, от которых было неловко, потому что я была убеждена в том, что не заслуживаю их.

За дверью отдельного кабинета, хотя и звучало это несколько неприлично, я вздохнула с облегчением. Меня больше не разглядывали, не задавали наводящие вопросы, а мне не нужно было придумывать на них ответы. Я со вздохом опустилась на стул и совсем не удивилась, когда за нашими спинами тихо и беззвучно возник официант. Антон сам сделал заказ, так и не присев за стол, продолжая стоять за моей спиной и опираясь руками на спинку моего стула, и жестом остановил официанта, когда тот хотел открыть бутылку вина. Молодой человек вышел, а Антон сам взял штопор.

– Сейчас ты выпьешь, и тебе полегчает.

– Моя мама сказала бы, что ты меня портишь, Антон.

– Чем это? Бокалом хорошего вина?

Вместо ответа на этот невинный вопрос, я призналась:

– Меня смущает чужое внимание.

– Это любопытство, Снежинка, оно пройдёт. – Он протянул мне бокал, и я его приняла, даже поторопилась сделать первый глоток. – Лучше расскажи мне, что нового на работе?

– Ничего, день, как день.

Он еле слышно хмыкнул.

– Хорошо, спрошу по-другому. Какие планы у тебя в отношении господина директора? Кстати, директора школы называют господами?

– А как, по-твоему, их называют, товарищами?

– Откуда мне знать? Я не настолько образован.

После этих слов я даже на стуле развернулась, чтобы видеть его лицо. Решила ему не верить.

– Правда? И какое же у тебя образование?

Антон усмехнулся, но скрывать не стал:

– Высшее. Но поверь, до директора школы никак не дотяну. У меня жизненного опыта больше, чем знаний.

В это я склонна была верить.

– И всё же не переводи разговор на меня. Ты не ответила на вопрос.

– Какая разница, какие у меня на него планы? Это не играет никакой роли.

– Да ладно! – Антон откровенно фыркнул после моих слов. – Когда женщина тебя хочет, это не играет никакой роли? Для этого надо быть каменным.

После его «хочет», я в смущении моргнула, но всерьёз прочувствовать неловкость не успела, потому что Антон жизнерадостно продолжил.

– Хотя, особо живым он и не выглядит, наверное, профессия свой отпечаток накладывает. Я не умею с такими людьми общаться, куда легче, когда тебе всё говорят, как есть.

– Даже если тебе это не по нраву?

Он плечами пожал, стол обошёл, и я теперь могла наблюдать, как он неспешно передвигается и пьёт вино.

– В большинстве случаев.

– Правда? – поразила я. – Даже если я попрошу тебя не хватать меня за руки и не обнимать, ты примешь это к сведению?

Антон совершенно спокойно кивнул.

– Конечно. – Согласился и тут же улыбнулся. – Приму и буду стараться делать так, чтобы тебе это ещё больше нравилось.

– Мне не нравится.

– Ты просто во вкус не вошла, а вкус тебе очкарик подпортил.

Я не знала, то ли мне возмутиться на его нахальство, то ли рассмеяться от степени его заносчивости. Но всё-таки попросила:

– Не называй его очкариком. Он интеллигентный человек, признанный и уважаемый педагог.

– И когда он успел им стать? Я скорее поверю, что он толковый управленец и дипломат, чем педагог. – Антон прищурился, приглядываясь ко мне. – И всё-таки у тебя на него планы.

– Не вижу в этом ничего странного. Мы со Стасом встречаемся около года.

– И ты не прочь сходить за него замуж, – подытожил он.

Я на его тон обиделась.

– Не знаю, какие у тебя понятия о браке, но я не из тех, кто замуж «ходит» от скуки.

– А из каких ты?

Я начала злиться.

– Отстань.

Он рассмеялся.

– Обиделась! А я, может, серьёзно спрашиваю? На будущее.

– На какое будущее, Антон?

Он не ответил, лишь ухмыльнулся, и то ли на его счастье, то ли на моё, появился официант с салатами. Этот бессмысленный, по моему мнению, разговор мы оставили, Антон присел за стол, и мы приступили к еде. Хотя, есть мне совсем не хотелось, я продолжала ощущать нервозность из-за всего вечером в целом, а не из-за тех глупостей, что Антон наболтал в последние пятнадцать минут. Беседа перешла в совершенно нейтральную плоскость, Антон рассказывал мне о «Чёртовом колесе», как они всё придумывали, как обустраивали, как начинали, потом плавно перешёл к другим аспектам отцовского бизнеса, я невольно заинтересовалась, а уж когда он заговорил про благотворительность, затаила дыхание, понимая, что он к чему-то ведёт.

– Боря, при всех своих недостатках, умел делиться. За счёт этого, в основном, имя себе и сделал. Он много делал для сирот.

– Я слышала.

Антон кивнул чуть отстранённо.

– Я бы не хотел, чтобы после его смерти, всего его усилия на нет сошли. Наши пиарщики считают, что необходимо организовать благотворительный фонд его имени.

Я замерла, не донеся вилку до рта, и обдумывая. После чего кивнула.

– Это хорошо.

– Хорошо, – согласился Антон деловито, при этом не прекращая жевать. – И я бы хотел, чтобы ты этим занималась.

– Я?! – Я вилку опустила, была не на шутку ошарашена.

Антон же спокойно на меня посмотрел.

– А кто? Ты видела выражение лица Марины, когда речь о деньгах заходит? Даже круглый идиот не поверит, что она в состоянии добровольно с кем-то деньгами поделиться. Лиска от матери недалеко ушла, у неё при виде пачки денег уши краснеть начинают и губы сохнут, и она их облизывать начинает. То ещё зрелище, я тебе скажу.

– Антон, не выдумывай!

– Я и не выдумываю.

– Я не об Алисе... О себе. Как ты себе это представляешь?

– Очень хорошо я себе это представляю. Ты старшая дочь, дипломированный педагог, ответственный и разумный человек. Кому как не тебе этим заниматься?

Я отвернулась от него, раздумывая, но мои мысли крутились не вокруг благотворительного фонда, а вокруг моей собственной персоны. И в итоге я призналась:

– У меня такое чувство в последние дни ты меня, как паук опутываешь.

Антон разулыбался, не поднимая глаз от своей тарелки.

– Тебе так кажется.

– На самом деле? – не поверила я.

А этот наглец кивнул.

– Просто я забочусь о твоих интересах и твоём будущем, а ты к этому, видимо, не привыкла. Что странно, если вспомнить об идеальном господине директоре рядом с тобой.

– Он здесь причём?

– Станный вопрос для женщины, которая планы строит. По-моему, он обязан о тебе заботиться, раз уж дал повод... – Антон кинул на меня взгляд исподлобья. – Ты на самом деле хочешь за него замуж?

– Говоришь таким тоном, будто всерьёз собираешься это устроить.

– Вот уж нет. Я считаю, что он тебе совершенно не подходит.

Я заинтересовалась, даже брови вздёрнула.

– Объясни мне, глупой.

– А чего тут объяснять? Вы вместе почти год, по твоим же словам, а ты всё ещё шикаешь испуганно, когда твоё и его имена связывают в разговоре.

Стало неприятно от его проницательности, но я всё-таки решила пояснить.

– Стас недавно развёлся, и наши с ним отношения... – Я старательно подбирала слова, Антона это не впечатлило, и он меня перебил очередным вопросом:

– Он из-за тебя развёлся?

Это показалось попросту беспардонным, и я в возмущении встряхнула салфетку и замолчала, а Стас понимающе усмехнулся.

– Перестань, – возмутилась я. Взяла в рот кусочек рыбы и потянулась за бокалом с вином. И от этого самого возмущения, забыла про манеры и проговорила набитым ртом: – Тебя это точно не касается.

– Как скажешь, Снежинка.

– И не зови меня так!

– Ешь, Лера.

– Ты портишь мне аппетит своими разговорами.

На его лице появилось смиренное выражение. Мы замолчали, я от праведного гнева даже съела всё, что у меня на тарелке было. И замерла только в тот момент, когда Антон ко мне руку через стол протянул. Я на его руку уставилась, но сделать или сказать ничего не успела, потому что дверь открылась, и мы оба дёрнулись от неожиданности. Я голову повернула и увидела в дверях Алису. Она стояла и смотрела на нас, точнее, на меня, с нескрываемым удивлением. А Антон ещё весьма выразительно руку свою от моих пальцев отдёрнул. И откровенно поморщился. Только я не поняла, из-за чего он раздосадован: то ли из-за своей реакции, то ли из-за появления Алисы. А я глаз от сестры не отводила. Та встряхнулась, сдула со лба щёлку, и руку в бок упёрла. По её виду можно было подумать, что любимого мужа с любовницей застукала. Алиса даже дышала бурно и негодующе, и тонкая ткань чёрного, блестящего платья натягивалась на пышной груди.

– Что это вы здесь прячетесь? – спросила она, переводя подозрительный взгляд с Антона на меня и обратно.

Антон на стуле откинулся, сдержанно кашлянул, а посмотрел на меня. Впечатление складывалось такое, что он меня в сообщники брал. А я не знала, как себя вести.

– Мы не прячемся, Алиса. Мы ужинаем.

– Ужинаете? Ты сказал, что будешь занят весь вечер.

Я украдкой наблюдала за Антоном, и стала свидетельницей очень интересной и впечатляющей картины: как из его глаз уходит весёлость и открытость, как он каменеет лицом, и превращается в совершенно другого человека, собранного и холодного, мне незнакомого.

– А я и занят, – проговорил он острым, как бритва голосом, хотя, судя по тому, что Алису его тон не смутил, он был ей хорошо знаком. – Весь вечер занят. Но раз уж ты пришла, можешь присесть и провести время с сестрой.

Это решение оказалось неожиданным для всех – и для меня, и для Алисы. Но спорить никто не стал, Алиса кинула на меня косой взгляд, после чего буркнула:

– Привет.

– Привет, – ответила я, тоном учительницы, что приветствует строптивого ученика.

А Алиса села на свободный стул и снова на Антона посмотрела, будто наглядеться на него не могла. Хотя, я допускала, что на самом деле не могла, девочка была влюблена не на шутку, и, по всей видимости, давно и безответно.

– Всё равно это несправедливо, – проговорила она спустя минуту. Кинула на меня ещё один взгляд, он был изучающим. – Ты мог бы предупредить меня, что собираешься пригласить... э-э, Леру, мы бы провели весь вечер вместе. Ты уже видела наши корты?

После того, как она собственнически выделила «наши», я улыбнулась и покачала головой.

– Нет, ещё не успела.

– А где вы были?

– В кабинете отца.

Алиса нос наморщила.

– Там ничего интересного.

Для кого как, подумала я, но вслух ничего не сказала, заставила себя взять вилку и снова приступить к еде. По крайней мере, вид делала, что ем. Вскоре Алисе принесли салат, а она сама начала с воодушевлением пересказывать свои новости. В основном, конечно, Антону, и мне ничего не говорили ни имена, что она произносила, ни подробности, на которые ссылалась. Но я всё равно слушала с интересом, как никак, а с сестрой общалась так близко впервые. И я всеми силами пыталась найти в ней какое-то сходство между нами. Его не было, я не расстраивалась, но продолжала присматриваться.

– Родственники, наконец, уехали, – сказала она Антону. – Вообще, не понимаю, зачем мама их пригласила. – Алиса с аппетитом ела салат, задорно хрустела кусочками китайской капусты, и это казалось немного смешным. Я всеми силами старалась удержать на лице серьёзное выражение.

– На похороны не приглашают, Алиса, – сказал тем временем Антон. Его аппетит, кажется, оставил, он даже тарелку от себя отодвинул. Откинулся на стуле и руки на груди сложил. Смотрел то на меня, то на Алису, и мне вдруг пришло в голову: сравнивает. Заподозрив это, я прищурилась, Антон, наверное, заметил, потому что едва заметно фыркнул.

А Алиса в такт его словам покивала, соглашаясь.

– Вот-вот, не приглашают. Они все сами приезжают. А папа, кстати, терпеть не мог маминых родственников, ты это знаешь. Да и она сама их недолюбливает. Они всегда просят денег.

– Она дала им денег?

Алиса пожала плечами.

– Наверное. Она всегда даёт, только обещает, что в последний раз. – Она на пару секунд перестала жевать, будто задумалась, а затем посетовала: – Все хотят наших денег.

Я остановила взгляд на её лице, пытаюсь понять, имеет ли она меня в виду, но лицо Алисы было непроницаемо, и вряд ли она настолько хорошая актриса, скорее всего, сказала, не подумавши, первое, что в голову пришло и что огорчало. А я почувствовала, что под столом меня ногой тихонечко пихнули. Я взглянула на Антона, а тот мне подмигнул. А обращаясь к Алисе, нравоучительно проговорил:

– Это ещё не твои деньги, Алиса, это деньги твоего отца.

– А какая разница? – Она вздохнула, затем устремила на Антона полный надежды взгляд. – Это ведь неправда, что мне нужно ждать наследства полгода? Антоша, у меня же съёмки клипа! Папа мне обещал!

Антон досадливо поморщился.

– Я помню. – Замялся на мгновение, после чего пообещал: – Я всё решу.

– Правда? – Алиса просветлела лицом. – Я тебя люблю! – Предприняла попытку придвинуться к нему вместе со стулом, вспомнила обо мне, глянула колко и с чисто женским намёком, что я ей мешаю, и осталась на месте. Продолжила светским тоном, а оттого смешно. – Не хочу говорить об этом с мамой, она расстроена из-за похорон.

– А что за клип? – сочла я возможным поинтересоваться.

После моего вопроса, Алиса заметно приободрилась, даже снова улыбнулась.

– Я певица. В следующем году оканчиваю институт, но папа всегда говорил, что нужно жить сегодняшним днём. И если есть, что людям показать и сказать, то делать это нужно сейчас. Мой друг написал для меня песню. Замечательную, – она крунулась в другую сторону на стуле, – правда, Антош? – Тот вполне равнодушно кивнул. – Папе понравилась, и он обещал дать денег на клип. Но не успел.

Она произнесла «не успел», но в этих словах слышалась скорее досада, чем искреннее сожаление о смерти отца. Я к сестре присмотрелась, и вспомнила слова Антона о том, что Алиса никак не повзрослеет. Тогда мне это утверждение показалось неправдоподобным, всё-таки ей не пятнадцать и даже не восемнадцать, а двадцать два года, вполне взрослый и здравомыслящий человек, но сейчас я готова была согласиться с его утверждением. Алиса была инфантильна, и знать ничего не знала о жизненных трудностях, даже самых банальных, и, наверное, безответная любовь к Антону, это единственное, что не позволяло ей не потерять чувство реальности. Хотя что-то, что она получить не в состоянии.

А я сказала:

– Мне жаль.

– Я любила папу, – вдруг сказала Алиса. – Он был весёлым. Мама не такая.

– Скажи, как есть, Алиса, – усмехнулся Антон. – Была бы воля твоей матери, ноги бы твоей в «Колесе» не было. Возможно, она это в жизнь и воплотит.

Алиса на одно мгновение замерла, задумалась, остановив взгляд на лице Антона, после чего решительно вскинула голову.

– Она не может, Антон. Я взрослая.

– Ах, ну да, я и забыл. – На его лице отчётливо читалось продолжение мысли: «Какое несчастье!», но Алиса то ли не поняла, то ли нарочно проигнорировала, а вот мне от Антона достался весёлый взгляд из-под ресниц.

– Зачем ты её дразнишь? – спросила я у него позже, когда мы покинули ресторан и направились в ночной клуб. Он располагался в отдельном приземистом здании, напоминающем летающую тарелку, на окраине развлекательного комплекса, видимо, для того, чтобы не мешать одним отдыхающим веселиться, а другим наслаждаться тишиной на берегу реки. Мы только подходили, а я уже слышала бухающие звуки музыки, хотя за несколько минут до этого Антон уверял меня, что звукоизоляция в клубе сделана по последнему слову техники. Алиса шла рядом, повиснув на руке Антона, без умолка болтая и беззастенчиво меня перебивая, но я не спорила, уже смирившись с её необоснованной ревностью. Хотя, ревность её могла бы быть меньше, если бы Антон больше обращал внимания на неё, а не на меня. Но кроме занятого локтя, Алиса мало привлекала его внимание. Антон с энтузиазмом комментировал всё, мимо чего мы проходили на территории комплекса, неизменно указывая, автором каких деталей был отец, а не он, и чуть тише, почти шёпотом говорил о том, что, как считал, не должна знать Алиса. А она трещала так громко, что не слышала и не улавливала намёков и подробностей. А как только мы переступили порог клуба, кинулась танцевать, чёрные блёстки на платье заис-

крились разноцветными огнями, она с лёгкостью влилась в плотную толпу танцующих, а я в первый момент оглохла. Даже уши руками закрыла, а Антон рассмеялся, наблюдая за мной. Он за мной, а я за Алисой. Я видела, что она каждую минуту, танцуя и соблазнительно покачиваясь под музыку, оглядывается на Антона. А он меня за талию приобнял, подтолкнул в сторону лестницы, что вела на балкон.

– Я не дразню, – воспротивился он, стоя за моей спиной и говоря всё это мне на ухо. Я смотрела на большую танцплощадку, забитую людьми, преимущественно молодёжью, сверху, и, признаться, в то мгновение, когда дыхание Антона щекотало моё ухо, я уже перестала о чём-то задумываться. Я была ошарашена и изумлена открывшейся мне картиной. Вцепилась в перила, смотрела на людей, на огни, которые отбрасывали стеклянные шары под куполообразным потолком, на полураздетых танцовщиц, которые не извивались, как в стриптизе, – если честно, я себе именно так всё представляла, – а танцевали, двигаясь энергично и синхронно. На выступе, что представляла собой узкая сцена, находилась музыкальная установка, а за ней совершенно лысый ди-джей, от его блестящей лысины так же отскакивали разноцветные огни. Музыка грохотала, перекрывая дыхание и стук сердца, люди на танцполе прыгали и двигались ей в такт, и всё это было невероятно. Казалось неподобающим и завораживающим одновременно. Мой взгляд остановился на импровизированной клетке, в которой танцевала девушка, в крохотном бикини и в сапогах на шпильке. Она мотала головой, откидывала назад шикарную рыжую шевелюру, приседала, а потом даже зарычала, причём получилось у неё весьма сексуально. Меня всё это окружило, оглушило и ослепило. Я никогда подобного не видела. Огромный, бьющийся в экстазе организм, состоящий из нескольких сотен сошедших с ума людей. Я, конечно, и раньше бывала в ночных клубах, и далеко не один раз, и танцевать любила, но подобного не видела. И не чувствовала. Далеко не сразу осознала, что стою, прижатая к перилам весом Антона, его руки упираются в перекладины рядом с моими, а он так и дышит мне в ухо. Ничего не говорит, по крайней мере, я не слышу ни слова, хотя в таком грохоте, поручиться нельзя. И всё, что я чувствую в этот момент, это не свои ощущения, а биение сердца Антона о мою спину, так крепко он ко мне прижимается. Я несколько секунд собиралась с мыслями, делала вид, что продолжаю оглядываться, а сама пыталась придумать, как мне от него отодвинуться, ненавязчиво, словно боялась его обидеть. А я не боялась, просто атмосфера спутала мысли и чувства. Я только дёрнула головой, когда поняла, что к нам ещё кто-то подошёл, посмотрела, увидела мужчину, он приветственно хлопнул Антона по плечу, а меня даже взглядом не удостоил. Видно, ему не привыкать видеть Антона в обнимку с незнакомыми девицами. Мужчина отошёл, я краем глаза увидела, что он присел за столик неподалёку, к многочисленной компании, а я сделала попытку отступить, но тут же была остановлена продолжением разговора. Очень своевременного в этом шуме и уместного.

– Чем, по-твоему, я её дразню? Тобой?

Я всё-таки пихнула его локтем в бок.

– Отодвинься от меня.

Я почувствовала его дыхание на своей щеке, и поняла, что он вздохнул. Но отодвинулся. Немного. Совсем немного. Одна его рука так и осталась на моей талии.

– Хочешь потанцевать?

Я посмотрела на него с намёком.

– Антон...

– Да, да, прости. Глупость сморозил. – Он глянул вниз. – Хотя, Лиску это не волнует, по-видимому.

– Ты сам сказал, она ребёнок.

– Угу, при всём при этом озабоченный.

– Нельзя так говорить.

– Очень даже можно. Поверь.

– Фу.

Он широко улыбнулся, глядя мне в лицо.

– Ещё одно различие между вами.

– Ещё раз «фу», Антон. – Я тоже посмотрела вниз, по огненным всполохам на платье, разглядела Алису. – Она на тебя смотрит.

Антон от меня отодвинулся, наклонился немного, чтобы облокотиться на перила. Рукой Алисе махнул. Потом посмотрел на меня.

– Тебе хоть нравится?

Я обвела взглядом зал.

– Я никогда подобного не видела, – призналась я. – Это... – Я секунду подбирала правильное слово. – Впечатляет.

– На следующей неделе у нас пенная вечеринка. – Он откровенно смеялся надо мной.

– И что это означает?

– Это означает, что к этим джинсам ты надеваешь обтягивающую майку, и после пены это выглядит очень эротично. И целый зал таких девушек. Которые визжат, стонут и предлагают себя. – Я сделала судорожный вздох, а Антон рассмеялся и кивнул, соглашаясь с моими мыслями. – Да, милая, это ещё одно «фу».

Я головой покачала, но не для того, чтобы выразить своё презрение, а для того, чтобы сказать ему:

– Я тебе не милая.

– А кто?

Отвечать я не стала, провела ладонью по гладкому металлическому поручню, после чего сказала:

– Я бы хотела уехать.

– Устала?

Я кивнула, решив с ним не спорить. Антон сразу выпрямился.

– Я тебя отвезу.

– Вызови такси... – попыталась протестовать я, но он лишь снова взял меня за руку, поддерживал, пока я спускалась по лестнице.

На выходе я обернулась, но в толпе танцующих сестру уже не рассмотрела. Подумала о том, как она расстроится, не найдя Антона, но того это, видимо, не беспокоило. Мы прошли мимо весёлых людей, вышедших из зала подышать свежим воздухом, я тоже задышала глубоко и часто, после искусственного угара танцпола, и к своему удивлению поняла, что на улице почти стемнело.

– Может, здесь останешься? – предложил Антон. – Хочешь, в моём номере... хочешь, найдём другой, если тебе неудобно в отцовском.

– Нет, я домой хочу.

Антон кивнул, не собираясь спорить. А я повторила:

– Ты, правда, можешь остаться. Я прекрасно доберусь сама.

– Лера, ты думаешь, что я отпущу девушку, которой в начале вечера цветы подарил, на такси?

Я всё-таки улыбнулась, и от его слов, и от многозначительного тона.

– И, правда, что это я? Такой опытный кавалер, как ты...

– Даже не знаю, воспринять ли это, как комплимент. Из твоих уст это прозвучало как-то не так.

Мы свернули на узкую дорожку, прошли мимо цветущего кустарника, я невольно оглянулась, когда услышала взрыв смеха неподалёку, и замерла, поражённая видом залитой светом гостиницы. Она высилась, как сияющая башня, кажется, ни одного тёмного окна не было.

А на самой крыше, как нимб, светилось Чёртовое колесо. Я глаз с него не сводила, кажется, целую минуту, пыталась понять, мерещится ли мне, но оно крутилось. Правда, крутилось!

Я не заметила и не услышала, как Антон обернулся, поняв, что меня рядом нет, как вернулся и остановился за моей спиной. Он смотрел мне в лицо, наблюдал, а скорее, впитывал мой восторг, моё удивление, а когда я повернула голову, чтобы задать ему вопрос, немного детский, но такой важный в эту минуту для меня – крутится ли колесо, олицетворяющее труд последних его лет, он меня поцеловал.

Само получилось, я не хотела, а он не спрашивал. Казалось, всего мгновение смотрел мне в глаза, а потом его рука поднялась, обняла мой затылок, а Антон наклонился к моим губам и поцеловал. Я опомнилась уже в следующую секунду. Я протестующе дёрнулась, взмахнула руками, задохнулась, а он уже целовал, решительно и настойчиво, тёплые губы прижались к моим губам, язык исследовал мой рот, и я ничего не могла сделать... ни с забившимся, как птица в клетке, сердцем, ни с помутившимся сознанием. И единственное, что я сделала, так это прикоснулась к его волосам. Моя рука сама собой поднялась к его шее, обняла, а пальцы коснулись волос. Мягких и упругих одновременно. И именно это привело меня в чувство, я прервала поцелуй и поспешно отступила, поняла, что самым натуральным образом задохнулась. Попыталась дыхание перевести, не зная, как на Антона посмотреть. А вот он смущённым не выглядел, наоборот, улыбнулся вполне довольным. И даже губами причмокнул, будто смакуя случившийся поцелуй.

– Скажу честно, я весь вечер об этом думал.

Удивлена этому признанию я не была, скорее уж заподозрила неладное. Кинула на Антона взгляд исподлобья, встретила его довольную улыбку и поспешила отвернуться. Но и притвориться разозлённой не могла. Господи, да какая бы нормальная женщина на моём месте злость испытала? Когда тебя спонтанно и так горячо целует красивый мужчина, да ещё признаётся, что весь вечер с тобой о поцелуе мечтал... Но он тот ещё хитрец, и об этом забывать не стоит. Поэтому я смущённо кашлянула, и повторила:

– Ты отвезёшь меня домой?

– Конечно, Снежинка.

И в этот раз я не запретила ему так меня называть. Почему-то...

6

Чего я не ожидала, так это того, что Марина Леонидовна захочет видеть меня в своём доме. Правда, повод был – девять дней со дня смерти отца, и Марина лично позвонила и пригласила меня присоединиться к ним за семейным ужином. Что означает семейный ужин в семействе Давыдовых – я не знала, а объяснить мне никто не удосужился. Наш телефонный разговор больше напоминал телеграфные переговоры: вежливо и достаточно скупое, Марина оповестила меня о том, что ужин состоится в понедельник в семь, и она была бы рада моему присутствию. Насчёт рада, я не особо поверила, но поблагодарила за приглашение, и только после того, как положила трубку, задумалась о формате предстоящего мероприятия. Пришлось звонить Антону. И первым делом спросила:

– Тебя она пригласила?

– Ещё бы. – Он странно хохотнул. – Будем чинно поминать Борю. В столовой, за огромным столом, с хрусталём и фамильным серебром.

– У них есть фамильное серебро?

– Конечно. С тех пор, как Марина его купила.

Я улыбнулась. Лежала в гамаке, растянутом между двух яблонь, качала ногой, и улыбалась, как дурочка, слушая его голос. Вот что, спрашивается, я улыбаюсь?

Улыбку я поспешила с лица убрать, и серьёзным голосом продолжила расспросы.

– Сколько будет гостей? Всё будет официально, как на похоронах?

– Не думаю. Ужин для своих. Уверен, что всё затеяно ради разговора с тобой. – Антон помолчал, будто раздумывая, стоит ли говорить мне следующие слова. – Если честно, на ужин я сам напросился. А она не обрадовалась. Хочет выяснить твои намерения.

– Нет у меня никаких намерений. Все намерения у тебя.

– Да, все твои намерения сводятся к одному – испытывать моё терпение. Причём, во всех смыслах.

Я непонимающе вздёрнула брови, словно он мог меня видеть.

– Ты о чём?

Антон многозначительно хмыкнул.

– Ты понимаешь, о чём я. Хотя бы, о твоём бегстве из города.

Говорить об этом я не хотела, точнее, не могла, поэтому принялась юлить, но это было настолько явно, что Антон лишь вздохнул. А затем сказал:

– Я заеду за тобой в понедельник.

Я тут же отказалась.

– Нет.

– Почему? Приедем вместе...

– И разозлим Алису? Нет, Антон. Она и так, наверняка, догадывается, что мы вместе уехали в пятницу, и снова на меня злятся. А я всё ещё надеюсь наладить хоть какие-то отношения. Не воевать же мне с ними?.. Её мать мне никто, но мы с ней сёстры.

– А злиться на тебя, у неё повод есть, да? – Опять тот же насмешливо-провокационный тон, я даже зажмурилась. Но нашла в себе смелость воспротивиться.

– Не я ей его дала.

Вот так. Я рада, что сказала ему это. И на самом деле чувствовала удовлетворение после того, как отключила телефон, не смотря на то, что успела услышать короткий смешок Антона.

Мама прошла мимо, кинула на меня косой взгляд полный осуждения, словно подозревала, что я за её спиной сговариваюсь о чём-то недопустимом с её точки зрения. Хотя, что скрывать, так и было. Она до сих пор не могла понять, для чего я ходила на похороны, для чего познакомилась с женой отца и другой его дочерью, и как я не старалась объяснить, ни одного

моего довода она не принимала. И беспокоилась, видимо, подозревая, что я в городе, без её присмотра, наверняка натворю кучу глупостей. И надо признать, я творила, правда, для самой себя это объясняла необходимостью и дочерним долгом.

А из города я на самом деле поспешила уехать, ещё в субботу утром. Расставшись в пятницу с Антоном, после того поцелуя, я чувствовала себя настолько потерянной, что испугалась, уверенная, что Антон появится на моём пороге раньше, чем я успею успокоиться и хоть в какой-то степени разобраться в себе. И уехала к бабушке, не решившись вновь попросить у брата машину. Села на пригородный автобус, а проезжая мимо посёлка, в котором, как я теперь знала, проживал Антон, намеренно отвернулась. Но это не помогло, поцелуй я всё равно вспомнила, и в душе это воспоминание отозвалось жаркой вспышкой. Можно подумать, что мне пятнадцать и меня впервые мальчик поцеловал. Не пятнадцать и не впервые, но обстоятельства... Хотя, какие, к дьяволу, обстоятельства? Все обстоятельства – это сам Антон и вид «Чёртового колеса» в огнях на фоне темнеющего неба. Но, главное, конечно, Антон. С его нахальством, тёплым взглядом и натиском, и во всём этом ни тени сомнения в своих действиях. Что меня в нём и подкупало, если честно. Антон всегда действовал и говорил уверенно, и для меня это было удивительно, я была из тех людей, которые всегда находили для каждой ситуации пять решений, и нередко в итоге нащупывала шестую, всё равно не будучи уверенной в правильности поступка. А Антон если уж что-то сказал, даже если выдал это через секунду, то именно так и поступал, а выходило верно и обдуманно. Как бы я хотела научиться подобному. По щелчку пальцев справляться со всем, что посылает мне жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.